

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

КАПИТАН ВАЛАР.
СМЕРТНИК
НОМЕР ОДИН

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

**Капитан Валар.
Смертник номер один**

«Автор»

2012

Самаров С. В.

Капитан Валар. Смертник номер один / С. В. Самаров —
«Автор», 2012 — (Спецназ ГРУ)

Вот, кажется, и закончилась война для капитана спецназа ГРУ Александра Смертина по прозвищу Саня Валар. Врачебная комиссия неумолима: офицер не годен к службе по состоянию здоровья. Впрочем, для кавказского террористического подполья это значения не имеет – в списке их злейших врагов, подлежащих уничтожению, имя капитана стоит под номером один, и для бандитов он – смертник. Однако Валар не собирается погибать. Напротив, вместе со своими товарищами он намерен уничтожить бандитское гнездо на Кавказе. Но для этого сначала надо отбиться от атак киллеров, которых наняли террористы. Сейчас они уверены, что «завалят» офицера-инвалида чуть ли не голыми руками. Но они здорово ошибаются...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава первая	12
1	12
2	16
Глава вторая	21
1	21
2	26
Глава третья	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Самаров

Капитан Валар. Смертник номер один

Пролог

Дверь наконец-то открылась. Внутри меня заскулила надежда, обожженная кислотой обиды и просверленная отчаянием. Впрочем, иного состояния в моем положении и ждать не приходилось. Я был не в силах повлиять на результат, хотя привык брать ответственность за него именно на себя. Решался извечный вопрос – быть или не быть, оставаться мне на службе или стать официальным инвалидом. Сам себя-то я таковым чувствовать не мог и не хотел, да и недавние события доказали мою высокую боеспособность. Только о моем участии в этих событиях громко говорить не стоит, иначе можно вернуться не в строй, а в то же самое СИЗО, из которого меня так удачно вытащили. Следовательно, и для убеждения комиссии у меня достаточно весомых аргументов не нашлось. А их аргументация сводилась исключительно к моей медицинской книжке и к заключению лечащих врачей. Здесь имели право не учитывать даже мнение моего командования. Я-то сам отлично знаю, что всем и помногу прав давать нельзя. Особенно врачам. Врачи по крови такой народ, что в каждом видят инвалида...

Разговор на комиссии, впрочем, шел не об этом, а о моем функциональном состоянии. Я пытался что-то объяснить, но меня не послушали, хотя я свое состояние знаю лучше других. Им дали право не слушать... И теперь я был вынужден расхлебывать чиновничью неумную щедрость.

– Капитан Смертин!

У этого подполковника медицинской службы, что позвал меня, оттопыривая для солидности нижнюю губу, голова формой напоминала мяч для игры в регби. Но мяч был выставлен не вертикально – такая форма головы встречается часто, – а горизонтально, что само по себе уже нонсенс, и вызывало желание врезать одновременно двумя ладонями по ушам, чтобы язык вывалился изо рта, как пробка из бутылки. Самый главный придира из всей комиссии...

– Я! – шагнул я вперед, чувствуя, что покрываюсь потом.

– Завтра твои документы, капитан, отправят в канцелярию вашего управления кадров. Через неделю сможешь получить.

– В управление кадров ГРУ или в канцелярию бригады? – спросил я, желая уточнить.

– Сразу в ГРУ. На Хорошёвку...

Голос ушастого врачуги не предвещал ничего хорошего. Тем не менее находиться в неведении еще несколько дней или даже неделю – это из разряда гестаповских пыток. И потому я осмелился спросить:

– А какое заключение, товарищ подполковник?

– Не знаю, не решили еще, – сказал он раздраженно и шмыгнул за дверь, словно мои мысли о своих ушах прочитал.

– Вижу, капитан, ты еще хочешь служить, – сказал из-за моей спины толстый и лысый майор инженерных войск. Внешне он напоминал поставленные один на другой два арбуза, большой и маленький, при этом ноги и руки были совсем не округлыми – скорее даже тощими.

– Хочу. А ты как понял? – спросил я наивно.

– По физиономии этого подполковника. Меня уже предупредили: если кто служить не хочет, он все будет делать, чтобы человека на службе оставить. А если, наоборот, хочет служить, – будет из кожи лезть, чтобы помешать. Ты не расстраивайся. Кажется, будешь служить. Видишь, подполковник не в духе. Не послушались, значит, его доводов...

– Твоими бы устами, майор...

– Наливай, – разрешил он.

– Извини, в глухой завязке после ранения. Совсем, то есть, уже не пью...

Я не стал уточнять, что не пью с малознакомыми или совсем не знакомыми людьми.

– Каждому свое, – майор погладил живот, и я удивился, почему этот арбуз неполосатый и из пупка не торчит арбузный хвостик. – А меня вот со службы отпускают, но только на пенсию. А на заслуженную инвалидность – не хотят. Просто на пенсию мне не выгодно – экономика должна быть экономной, и потому я хочу третью группу инвалидности с правом на трудоустройство. Эх, где бы спиртиком медицинским разжиться... А то водка в магазинах сплошь паленая; люди от нее, как мухи от дихлофоса,дохнут.

– Попроси у подполковника, – посоветовал я на прощание. – Он с расстройства и компанию составит. У таких спирт всегда есть. Они им свою вредность заливают.

Я двинулся по коридору в сторону лестницы, так и не выяснив до конца свою дальнейшую судьбу. Мне не верилось в то, что мой вопрос еще не решен. Скорее всего вердикт вынесен, но вредный, как яблочный червяк, подполковник медицинской службы еще надеялся изменить его в свою пользу.

* * *

Я вышел на крыльцо, сразу «прострелив» глазами пространство за дверью, готовый в любой момент совершить рывок в сторону с перекатом по крыльцу или даже по ступеням, в зависимости от ситуации, и одновременным вытаскиванием своего пистолета. Все это я делал автоматически, памятуя недавние множественные попытки охотников за моей головой до нее добраться и потому соблюдая осторожность. Близкую дистанцию контролировать я был в состоянии. Конечно, если появится еще один снайпер взамен недавно захваченного мной, я буду уже бессилён. Сил-то у меня много, но толку с них при таких обстоятельствах... Я могу спрятаться, когда поймать и уничтожить меня пытается целая дивизия. Но от снайпера, одного-единственного, которому время отпущено опять-таки на один-единственный выстрел, защититься я не смогу. И ничего против этого не сделать. Как говорится, когда на тебя прет танк, глупо обнажать саблю; точно так же глупо пытаться защититься от снайпера, которого ты не видишь. Здесь может быть только один вариант – остаток жизни провести в глухом железобетонном бункере где-нибудь глубоко под землей, оборвав все связи с друзьями и родственниками...

В этот раз угрозу для меня мог представлять только один человек, поскольку других представителей каких-либо народностей Северного Кавказа поблизости не фланировало. Но этот человек угрозы не нес.

– Привет, – протянул он волосатую руку, шагнув мне навстречу.

– Привет, – ответил я на рукопожатие.

– Ты на машине?

– Увы, нет. Что-то в движке собралось «полететь». Обещали недели через две сделать, послали запрос на запчасти. Там кроме движка еще и сцепление перебирать нужно. Пусть делают, пока гарантия действует, а я пешком похожу, если никто не подвезет. Впрочем, может, уже и сделали – как раз время подошло. Надо звонить...

– Валар, тебя генерал дожидается, – сообщил мне капитан Магомед Магомедов, резко переходя с темы на тему, и кивнул на микроавтобус «Фольксваген Калифорния», что стоял неподалеку. Водительское стекло, слабо тонированное, не скрывало знакомое лицо старшего лейтенанта Сережи, как обычно, сидящего без своего «крапового» берета. – Разговор у Николая Владимировича к тебе серьезный и срочный, как обычно.

– И на ту же тему, что и обычно... – предположил я.

«Краповый» генерал-майор Лукьянов – мне не командир, и потому я мог свободно отказаться от самого что ни на есть серьезнейшего разговора. Но мое плотное сотрудничество с «Комитетом взаимопомощи участников локальных военных конфликтов» и с его руководителем как бы само собой предполагало дальнейшее согласование действий – я уже не говорю о более плотном контакте, который может оказаться необходимым и той, и другой стороне. И потому я отказался только для поднятия уважения к собственной персоне. То есть занялся тем, что на простом русском языке называется «ломанием».

– С вами, ребята, не поеду, – подойдя к машине вплотную, сказал я не слишком категорично, и даже с едва заметной улыбкой, чтобы оставить им путь к возможности меня уговорить.

– Чем мы тебе не угодили, Валар? – спросил старший лейтенант, открывая дверцу.

Я увидел, что не ошибся, – его «краповый» берет, как обычно, лежал на коленях. То, что Сережа держит где-то под рукой готовый к стрельбе пистолет-пулемет «ПП-2000», я хоть и не увидел, но знал, – как и то, что он недурно этой машинкой пользуется. И главное, всегда вовремя, тютелька в тютельку – а это умеют далеко не все бойцы, даже опытные.

– Один-единственный раз с вами поехал, так сразу на бандитов нарвались, машину разбили. Ладно хоть головы уцелели...

– Это не мы на них нарвались, а они на тебя с Сережей, – парировал капитан Магомедов, который в ходе той пресловутой стычки, когда нас пытались расстрелять автоматчики, даже ни разу не выстрелил, потому что мы со старлеем уже все сделали сами. – Но тогда мы их ждали. Сейчас не ждем, и ждать не должны. У них слишком велики потери, чтобы их вот так, одним махом, восполнить. Некому больше в нас стрелять. Пока некому... хотя скоро они, возможно, найдут новых парней. Садись, генерал ждет.

Сережа только с улыбкой кивнул, подтверждая правоту сказанного Магомедом. И мне осталось только согласиться. Эта компания, даже без медицинского спирта, мне нравилась больше, нежели арбузообразный майор и ушан-подполковник...

* * *

Дорога от госпиталя до уже знакомого мне медицинского центра на шоссе Энтузиастов, где нашел себе приют «Комитет взаимопомощи участников локальных военных конфликтов», должна была, по идее, идти в объезд через МКАД. Но Сережа оказался опытным водителем. Он проехал через какую-то промышленную зону, где официальной дороги отродясь не бывало, шмыгнул в дыру через проломленный кем-то забор, потом проследовал коротеньким и низким тоннелем под промышленной железнодорожной веткой и выбрался дворами, минуя все пробки, прямо на шоссе Энтузиастов. По моим прикидкам, на дороге Сережа сэкономил не менее часа.

Старший лейтенант остался в микроавтобусе, а Магомедов повел меня на второй этаж в кабинет, где сидел генерал. Отдельного помещения у Лукьянова по-прежнему не было. Его стол стоял в общей комнате среди трех других своих собратьев и отличался разве что чуть большими размерами и наличием рядом сейфа. Капитан не стал задерживаться в кабинете и вышел после короткого доклада, прерванного жестом Николая Владимировича. Пожав мне руку, генерал указал на стул, стоящий неподалеку.

– Придвигай, присаживайся...

Я придвинул стул и сел, грубо говоря, по стойке «смирно». Пусть Лукьянов – генерал совсем другого ведомства и даже другого министерства, я, как человек военный, субординацию, и дисциплину одобряю, и к генеральским погонам отношусь с уважением.

– Чай будешь?

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

– Как прошла комиссия?

– Как, товарищ генерал, может пройти посещение камеры пыток? Не без последствий для моей расшатанной нервной системы...

– Выпить все равно не предложу. С решением ознакомился?

– Никак нет. Обещали переслать в управление кадров ГРУ. Сказали, что через неделю смогу ознакомиться. Мне даже результат неизвестен. Держат, что называется, «в черном теле».

– Ну, результат я могу сказать. Для тебя, наверное, нет большого секрета в том, что любая комиссия всегда от кого-то зависима – что им прикажут, то они и решат. Врачебное мнение в таких случаях только сбоку прикладывается. А свое самолюбие наши медики тешат на тех, относительно кого указаний сверху не было. Тебя признали годным для дальнейшего прохождения службы, но с полугодовым отпуском по ранению. Через полгода сможешь встать в строй полноценным офицером, хотя и после нового медицинского обследования. Сейчас ты пока еще неполноценный офицер. Это они так считают.

– Они сами люди хронически и безудержно больные и здоровых понять не могут, – возразил я. – Мне их мнение крыть было нечем, поскольку предъявлять имеющиеся аргументы нельзя. Кто скажет, сколько членов комиссии получают дополнительную зарплату в прокуратуре? Я и сам стараюсь напрочь забыть о событиях последней недели, и тем более не могу позволить себе публичных воспоминаний. И потому...

– Это правильно. Бьют не по заслугам, а по загревкам.

– Длинный язык шее вредит, – пословицей на пословицу ответил я.

Генерал согласно кивнул и продолжил прерванную тему:

– Правда, полноценный отпуск тебе могут и не дать, потому что там в дополнительной строке будет стоять одна хитрая формулировка об относительной годности. То есть ты можешь служить, но, скажем, передавая боевой опыт, занимаясь преподаванием или чем-то подобным, что не несет в себе физических нагрузок. Эта формулировка дана специально, чтобы твое командование могло распорядиться твоей судьбой по своему усмотрению.

– Вам хорошо, товарищ генерал, – позволил я себе некоторую вольность. – Вы многое знаете. Обо мне знаете больше, чем я сам. Интересно, а сны мои тоже контролируете?

– Кое-что знаю, – согласился Лукьянов, – потому что принимаю непосредственное участие в твоей судьбе. Но к окончательному согласию с твоим командованием мы не пришли, хотя определенной договоренности и достигли. Формулировка в выводе комиссии позволяет отправить тебя на спокойное место службы в течение полугода. То есть, предположительно, в мое распоряжение, чтобы я засадил тебя за бумаги. Переключивать чистые листы из стопки в стопку. Официально служба у нас именно такая.

– Тогда я не понимаю, почему ваши офицеры не расстанутся с «ПП-2000»...

– Не нравится «ПП-2000»? Неужели твой «Грач»¹ лучше? – усмехнулся генерал.

– И «ПП-2000» нравится, и «Грач» нравится. Всему свое место и время.

– А переключивать чистые листы бумаги из стопки в стопку тебе нравится?

– Я так понимаю, товарищ генерал, что вы высказываете предложение перейти к вам на службу. Не по приказу, а по собственному волеизъявлению, хотя бы на ближайшие полгода...

– Именно собственное волеизъявление и было обязательным условием, на котором настаивало твое командование.

– Вы беседовали с командующим?

– С двумя полковниками. С командующим и с командиром бригады.

– И они высказали такое условие?

– Да.

– Значит, они хорошо меня знают. Командир бригады, понятное дело, не слишком хорошо, но он, думаю, предварительно советовался с моим комбатом или с начальником штаба

¹ «Грач» – пистолет «МР-443» конструкции Ярыгина.

батальона. А своего командующего я, говоря честно, в глаза не видел. Но рад, что он меня знает и настолько уверен во мне, что предоставил право выбора. Если они поставили такое условие, то, как я понимаю, сомнений в отношении моего выбора не испытывали...

Я говорил, размышляя вслух.

– Я понял тебя, – сказал генерал Лукьянов и громко вздохнул. – А я надеялся, что мы с тобой сработаемся... Куда тебя отвезти? В деревню поедешь или еще куда-то?

– На Хорошёвку, если можно...

– Сережа ждет в машине, Магомедов едет в качестве прикрытия. Свободен, Валар.

Мне показалось, что генерал Лукьянов расстроился, но лучше уж так, нежели расстроиться самому...

* * *

Съездил...

В управлении я надолго не задержался, поскольку с распростертыми объятиями меня никто не встречал, и вообще мало кто понимал, кто я такой и что мне нужно. Даже пропуск мне оформляли дольше, чем потом решались все текущие дела. Хотя задержка все же произошла: мне пришлось зайти в кабинет командующего и представиться, но перед этим, пока он был занят, пришлось подождать. Естественно, полковник Мочиллов расспросил меня о разговоре с генералом Лукьяновым – и остался доволен результатом. Как мне показалось, командующий был единственным человеком, знающим мою историю. Впрочем, это могло быть обманчивым впечатлением, поскольку в разведке принято чаще молчать, чем говорить, и редко кто проявляет свои эмоции. Именно Мочиллов посоветовал мне как можно быстрее ехать в бригаду. Это вопрос безопасности, поскольку в бригаде я буду, как-никак, под сильным прикрытием, которое в Москве и в Подмосковье легально обеспечить невозможно. Туда же пообещали переслать из канцелярии и все документы, что будут предоставлены медицинской комиссией. По крайней мере, командующий при мне позвонил и распорядился о пересылке документов сразу же по поступлении.

Вот и все. Никто меня даже чаем угостить не пожелал. И машину не предложил, чтобы добраться до деревни, а потом – с вещами – до вокзала. Пришлось добираться автобусом до поворота с Горьковского шоссе, а потом ловить попутку.

Мама была в школе, где все еще не закончился летний ремонт, хотя уже начался август и прошел Ильин день. Собрал свой рюкзак и упаковав в отдельный пакет оружие, не числящееся за мной официально, я забросил его за плечи и взял в руки тяжелую спортивную сумку. Не думал, что у меня накопилось столько багажа, что будет тяжело таскать... Но нужно тащить. На марше груз бывает и более тяжелым, хотя там он пакуется так, что не оттягивает руку, как сумка, – и ничего, бежишь и не замечаешь, что почти полста килограммов с собой тащишь...

Очень хотелось зайти попрощаться с уважаемым соседом, священником отцом Василием. Однако на дверях его дома висел замок. Обычно священник дверь на ключ не закрывал – просто навешивал замок и уходил. Да и это он делал лишь тогда, когда надолго удалялся из дома. Придется передать извинения через маму. И потому я пошел напрямую в школу.

Мама у меня человек сдержанный в проявлении чувств, особенно на людях, и потому мы попрощались коротко. А тут и машина подвернулась – один из учителей поехал в Москву на своем «жигуленке» и обещал подбросить меня до Казанского вокзала.

И все это время – в дороге, на вокзале, пока ждал отправления поезда, и потом, уже в вагоне – я не забывал, во сколько оценена бандитами моя голова. Много это или мало, я не знал, поскольку никогда такой суммы не имел и, естественно, не понимал, насколько быстро такие деньги могут быть потрачены. У меня вообще давно уже сложилось мнение, что небольшая сумма денег, имеющаяся в наличии, тратится гораздо дольше, чем большая. Наверное, потому,

что ни на что лишнее не разбрасываешься. А вот миллион баксов может разлететься быстро, потому что трудно сосчитать, сколько осталось. Кажется, что много, а на деле всегда оказывается пшик... Нет, наверное, я все-таки дорого стою. За ерундовую работу и платят ерунду. А за хорошую, трудную работу и платят хорошо. А это тяжело и опасно – меня убивать...

С этими мыслями я сидел в купе за закрытой дверью и слушал, как за стеной, в соседнем купе, разговаривают на своем языке два кавказца. Потом слушал такую же речь в исполнении других голосов за дверью, в коридоре, и все это мешало мне нормально существовать. Давило психически и нервировало.

Тем не менее я все же, постелив постель, приказным порядком заставил себя уснуть, уверенный, что проснусь, если это потребуется. И просыпался каждый раз, когда сосед по купе, перепивший пива, в очередной раз вставал, чтобы сбежать в туалет. При этом он оставлял дверь купе открытой. Я не спал, пока сосед снова не закрывал дверь и не водворялся с сопением на свое место. Ладно, хоть не храпел...

Так я и ехал, то засыпая, то просыпаясь.

Утром, когда я пил чай, мне на мобильник позвонил из бригады мой заместитель – старший лейтенант Сережа Украинцев. Он и его группа только что вернулись с Северного Кавказа. Сережа обрадовался, что через пару часов я приеду, и обещал найти машину, чтобы встретить. Это было надежнее. Добираться на такси до военного городка не слишком приятно, поскольку большинство таксистов в городе или среднеазиаты, или кавказцы. Все почти так же, как в Москве. Значит, и до самого дома добираться в напряжении. А уже хотелось расслабиться, потому что начала подкрадываться усталость. Она еще не давила на плечи – пока только мягкими кошачьими лапками задевала сознание. Но потом, как я знаю, «кошачьи лапки» усталости обычно выпускают когти...

* * *

Рядом со зданием вокзала располагалась автостоянка. Там меня встретил не старший лейтенант Украинцев, а старший прапорщик Андрей Бубновский, сапер нашего сводного отряда, на глазах которого, стоя почти вплотную к нему, я и получил последнее ранение, которое чуть не сделало из меня инвалида.

– Готов в бой, товарищ капитан? – спросил старший прапорщик, протягивая мне руку.

– Можно сказать, что только что из боя... Ты сам по себе или по мою душу?

– По твою.

– А Украинцева где потерял? Он обещал встретить.

– Его к комбату срочно вызвали. Что-то там запрашивают по материалам командировки.

Отправил меня, поскольку обещал.

– Тогда поехали...

Старший прапорщик приехал на своей пятидверной «Ниве». Он не стал открывать багажник, а просто распахнул заднюю дверцу, чтобы я бросил свою тяжелую сумку на сиденье. Рюкзак я сумел устроить на коленях. Он у меня небольшой, не армейский. Так и поехали, не задерживаясь в городе. До военного городка я обычно доезжал на своей машине за сорок минут, на «Ниве» путь занял на пятнадцать минут больше. Вообще-то я не торопился, и время пока не сильно дергало меня за нос. Да и служба ожидалась щадящая...

Андрей заехал между домами прямо к моему крыльцу. Служебная квартира располагалась в двухквартирном доме. Я вышел первым, держа в одной руке рюкзак, но второй рукой открыть заднюю дверцу, чтобы достать сумку, не смог, и Андрей взял у меня рюкзак. Заодно и ключ от входной двери у меня принял.

Пока я вытаскивал сумку, пока дотаскился с ней до крыльца, старший прапорщик уже справился с замком, обернулся ко мне и не глядя взялся рукой за дверную ручку. Я сделал еще

шаг, а он в это время распахнул дверь. И тут мне показалось, будто меня что-то снова ударило по голове. Сознание я потерял сразу, но каким-то образом все же умудрился то ли подумать, то ли сказать вслух:

– Снайпер...

Часть первая

Глава первая

1

– Сами вы все инвалиды категоричные. Не знаю уж, как относительно инвалидности телесной, но уж инвалиды ума – это уж точно. Может быть, кто-то по дурусти рискнет со мной хотя бы один раунд в «рукопашке» отработать? Слабо козлам?.. То-то же. Тогда кто из нас инвалид? У меня хоть гвоздь в голове остался, а у вас и этого нет. Ни один из вас с таким гвоздем не выживет. Ни один из вас и без гвоздя не выживет там, где выжил я. Завидуете? А зависть – плохое чувство...

Вслух я этого, естественно, не сказал – не привык со старшими по званию так разговаривать, – но подумал настолько красноречиво, что слова у меня в глазах, наверное, можно было читать, как в телевизионной бегущей строке. И пусть мысленно, но говорил я это серьезным угрожающим тоном. Они все и прочитали, как услышали, но ничего не возразили. А как возражишь, если вслух ничего не сказано? Кому и по какому поводу возражать? Возражения можно и за шизофрению принять. Но я отчетливо увидел, что члены медицинской комиссии меня прекрасно поняли – и по-собачьи обозлились, разве что не залаяли. А мне плевать сверху на их проплешины! Объелись мух, товарищи старшие офицеры! Плевать мне, что вам пригрелось то, что я вслух не говорил...

И вообще мне на все, по большому счету, теперь уже плевать...

* * *

Когда я в тот день вернулся после комиссии в военный городок, и старший прапорщик Андрюша Бубновский, доставив на своей машине меня из города, открыл дверь квартиры моим ключом, пока я возился со своей тяжелой сумкой, я чувствовал себя иначе. А именно – выздоровевшим после ранения человеком, полностью поправившимся и готовым к бою... С Бубновским мы больше не встретимся. Никогда. По крайней мере, на этом свете. Он тогда распахнул дверь – и его прямо на моих глазах отбросило на добрый десяток метров, чуть не разрывая на куски. Говорят, он даже над своей машиной пролетел, разбив каблуком лобовое стекло. Четыре человека издали видели все в подробностях, потому что интересовались, кто это подъехал к моим дверям. Я сам находился в пяти метрах от крыльца и всего происходившего в тот момент не помню. Так, отдельные картинки вдруг выплывали из памяти задним числом. Вдруг и задним числом – это потом, когда в меня каким-то чудом вернулось сознание. Именно чудом, как говорят глупые врачи...

Ударная волна от взрывного устройства мощностью, как потом разберутся эксперты, около четырехсот граммов в тротиловом эквиваленте меня практически не тронула – только развернула и уронила на землю. Даже не отбросила, как Андрюшу. Видимо, вырвавшись из двери направленно, прошла рядом, хотя одновременно развалила двухквартирный дом так, что его пришлось сносить до фундамента, поскольку остатки ремонту не подлежали. В меня самого попали только два гвоздя-«сороковки», которые были использованы во взрывном устройстве в качестве поражающих элементов. Гвозди летели высоко, мягкие ткани не задели. Однако первый из них ударился в одну из двух металлических полос, что армировали мой череп после

недавнего ранения, а второй – рядом с этой же полосой – воткнулся в голову так, словно его вбили молотком.

Я всегда был осторожен, а в последние недели, когда происходили некоторые не сказать чтобы совсем обыденные события, – особенно. Но там, дома, в военном городке, среди домов офицерского состава бригады спецназа ГРУ, никто не ждал такого сюрприза. Даже самый опытный сапер бригады, сам большой мастер установки хитрых взрывных устройств, чувший их носом за добрую версту, старший прапорщик Бубновский – не ожидал. И потому, всегда предельно осторожный и спокойный, в этот раз открывал дверь расслабленно. И сам взорвался, и меня отправил на инвалидность. Скорее всего на пожизненную, как сказал подполковник-психиатр, хотя проходить медкомиссию раз в году я все же буду должен, чтобы подтвердить свое право гордо называться инвалидом. Говорят, человеку руку или ногу ампутуют, а он все равно обязан каждый год проходить комиссию, чтобы доказать, что у него руки нет или что он на одной ноге прыгает. Такие уж законы в нашей стране. И выдумывают их тоже инвалиды, но – ума...

В этот раз, завершив лечение в хирургии, где врачи не рискнули вытаскивать из моей головы «вбитый» в нее по самую шляпку гвоздь, не желая рисковать и делать операцию на мозге, куда этот гвоздь вошел, меня почему-то отправили долечиваться в психиатрическое отделение. Может быть, потому, что в первые дни после возвращения в сознание у меня была затруднена речь. Ну, психиатрическое – так психиатрическое, подумал я сначала. Господь не посылает человеку больше испытаний, чем тот может перенести, как говаривал отец Василий. Правда, откровенных психов в отделении я не заметил. Все-таки госпиталь – это не гражданская больница. Во всем отделении было четыре пациента, и кроме меня трое других ждали экспертизы. Это были солдаты, чье поведение показалось командованию неадекватным. Скорее всего парни «косили», чтобы избавиться или от службы, или избежать какого-то большого наказания за серьезный проступок. Такое время от времени случается. Но с солдатами я почти не контактировал, единолично занимая большую пятиместную офицерскую палату со всеми, как говорится, неудобствами.

В госпитале меня навещала мама. Она сначала ходила к врачу, долго с ним беседовала, потом молча сидела около меня, держа мою руку в своей. Однажды приезжал из бригады уже не старший лейтенант, а капитан Сережа Украинцев, которого официально утвердили вместо меня на должность командира роты. Я не обиделся – даже рад был, что рота перешла в надежные руки. Однажды заезжал просто поболтать генерал Лукьянов, даже в палате не снявший свой «краповый» берет, словно боялся показать мне свою лысину. Я тогда только и вспомнил, что без берета генерала ни разу не видел. Лукьянов тоже разговаривал с врачом. Я только пару его фраз и услышал:

– Не могу с вами согласиться. Мне он показался абсолютно адекватным.

Приехали! Здравствуйте! А почему, собственно, я должен был показаться неадекватным? В чем моя неадекватность выражается? Впрочем, все по-разному ее понимают...

Еще в хирургии, когда я начал приходить в себя и обрел способность ходить, я стал раздражать врачей и медсестер точно так же, как в прошлое свое «отдыхание» здесь же. Они не понимали, как может человек, только что вернувшийся с того света, делать активную зарядку с множеством силовых упражнений. А я, наплевав на их мнение, скоро начал уже не просто ходить, но даже бегать по двору, за неимением спортивной обуви – и для большего здоровья, конечно – босиком. Сами они были на такое неспособны и потому меня осуждали. Они и без ранений были на такое неспособны...

Потом, когда меня перевели в психиатрию, бегать стало, по сути дела, негде, потому что там прогулки ограничивались тесным пространством внутреннего дворика, огороженного сетчатым забором высотой в четыре метра. Но я и там бегал, и даже по больничной палате. Чтобы увеличить нагрузку, использовал короткий шаг с высоким поднятием бедра. Такой бег хорошо

развивает ногу, готовя ее для эффективных ударов коленями. Я часто пользовался им в рукопашной схватке и вполне мог ударить коленом не только в печень, что является классикой, но и в челюсть – правда, в легком прыжке. А если мне выпало так много свободного времени, почему бы мне не потренироваться в палате? Про бесконечные отжимания от пола и подтягивания на дверном косяке я и не говорю – это уж обязательное дело. Я не вел счет количеству отжиманий и подтягиваний, но по тарелкообразным глазам солдат, наблюдавших за мной в отделении, догадывался, что счет этот людей удивляет. Они искренне не понимают, как человек может двести раз с лишним отжаться от пола. Они такого себе даже в мечтах не позволяют...

В общем, я возвращал себе здоровье стремительными темпами. Боли после гвоздевого ранения и сопутствующей легкой контузии у меня, конечно, были, но не критичные, и я вполне справлялся с ними сам, без всяких медикаментозных методов – просто усилием воли заставлял себя не замечать их. Боль не любит, когда ее не замечают, она всегда эгоцентрична – и от обиды уходит из организма. Так меня когда-то учили бороться с усталостью. Хороший человек учил, опытный офицер спецназа... Мне казалось, что я стремительно выздоравливаю. Так оно и было. Я чувствовал это каждой клеткой своего тела.

Но не все шло так благополучно, как мне казалось. Самое скверное, что врачи, как это обычно бывает, вообще со мной не считались. Точно так же я не объясняю своей машине, когда что-то ремонтирую. Я просто знаю, что нужно сделать, и делаю. И не ставлю ее в известность, для чего меняю, предположим, «крестовину». В новом «Тигуане» я, конечно, ничего не менял, а вот со старой машиной возиться было необходимо. Но я-то не машина... Из-за неведения я нервничал больше, чем из-за самого ранения. В конце концов, решился – и спросил лечащего врача (он мне каждое утро делал энцефалограмму мозга) напрямую:

– А что вообще, товарищ подполковник, у меня находят? Вы мне хоть объясните? Я чувствую себя совершенно здоровым. И потому не понимаю...

– Вот именно это и находят... Вы не можете быть здоровы. – Подполковник единственный из всех врачей, с которыми я контактировал в госпитале, разговаривал со всеми на «вы», даже с солдатами. Наверное, у него родители интеллигентные были. – У вас вбит в голову гвоздь. Он вошел в мозг, создал легкое кровоизлияние, которое, к вашему счастью, легко рассосалось, практически не оставив тромбов. Но гвоздь пробил кору головного мозга на том участке, который отвечает за способность мыслить логически и поступать адекватно ситуации. Есть поражение клеток ткани мозга. У вас должно было быть растечение мозговой жидкости, и мы не понимаем, почему этого не происходит. Может быть, гвоздь играет роль пробки? Именно поэтому вам его не стали и вытаскивать. Само поражение носит тяжелую степень. Вы же, по всем показателям, этого не ощущаете. Но такого не может быть. С таким ранением вы просто не имеете права быть полностью здоровым человеком, это я вам как специалист говорю.

– Но я-то полностью здоров, – возмутился я.

– В том-то и беда ваша, капитан. Гвоздь из вашей головы вырезать не рискнули еще и по другой причине: опасались в ходе операции поразить отдельные нервные центры. А вы как считаете, сам гвоздь ничего не повредил?

– Я про него уже забыл давно, – вяло отмахнулся я. – От него даже голова тяжелее не стала. Почему я должен о нем помнить, если он мне не мешает?

– Беда в том, что мы практически ничего толком о мозге не знаем. И не можем понять, что у вас поражено, а что осталось невредимым. А самое главное, не знаем, каковы могут быть последствия. Вы думаете, вас случайно поместили в психиатрическое отделение? Думаете, я просто так ежедневно контролирую всю деятельность вашего головного мозга? Думаете, во время снятия энцефалограммы я от нечего делать задаю вам вопросы, порой провокационные? Нет. Я проверяю ваши реакции. И точно так же, как все остальные, не могу сказать, что именно может произойти с вами в критической обстановке. Вдруг, когда вы поведете в бой солдат, что-то замкнет в голове, и вы своих же солдат перестреляете? Мозг – дело серьезное. Слиш-

ком серьезное, сказал бы я, чтобы человек смог полностью понять его функциональность. Вот потому вы здесь. Потому мы с вами и пытаемся разобраться с вашей головой. Пока единственное, что я могу вам посоветовать, – не пытаться вбивать в голову новые гвозди.

– Спасибо, товарищ подполковник. Я уж лучше кому-нибудь другому, – скромно сказал я, не до конца выразив то, что сидело в мыслях.

Но подполковник меня понял.

– Вы мою голову к этому готовите?

– Я ничего и никому не готовлю. По причине отсутствия молотка, может быть...

– Ну, мысленно предназначаете...

Мне оставалось только тактично промолчать.

* * *

И вот комиссия...

И вот результат: я – уже *никто*, разве что только не пустое место, хотя в нашей действительности даже пустым местам, я слышал, пенсии порой платят. То есть я стал *никто* в сравнении с собой прежним. Ибо инвалида, рассматривая его как воина, никак нельзя ставить на одну ступень с капитаном спецназа ГРУ, воспитанным в многочисленных боях на Северном Кавказе. Я ничего плохого про инвалидов сказать не могу, хотя и знаю, что инвалидность, как и все в этом мире, – понятие относительное. Слышал я даже такую точку зрения, что некоторые добиваются инвалидности, чтобы просто спокойно жить и получать пенсию. И гражданские, и военные. Но у меня характер не тот, чтобы искать спокойной жизни...

При выходе из госпиталя на скамейке рядом с крыльцом сидел, раскинув руки на спинке, капитан Магомед Магомедов. Я понял, что мною опять интересуется «краповый» генерал Лукьянов. Не вдаваясь в подробности, протянул Магомеду руку и просто сказал:

– Поехали...

И удивленно осмотрелся, не находя взглядом привычного микроавтобуса «Фольксваген Калифорния» со старшим лейтенантом Сережей на месте водителя.

– Машина за воротами, – объяснил капитан, словно читая мои мысли.

Мы вместе миновали КПП, и Сережа тут же подъехал к нам, чтобы мы не шли к нему по улице. Этот факт подсказал мне, что предвидится какое-то осложнение ситуации. Раньше Сережа заезжал во двор госпиталя. Маловероятно, что сейчас у него такой возможности нет. Но он остался за воротами. Для чего? Вывод напрашивался сам собой: Сережа контролировал улицу. И подъехал сразу тоже неспроста – не давал нам с Магомедом «гулять» по открытому пространству. Видимо, снаружи было что-то подозрительное.

Не тратя времени на разговоры, я быстро нырнул в дверцу, которую услужливо сдвинул вбок Магомедов. Успел увидеть на сиденье рядом с местом, куда уселся капитан, пистолет-пулемет «ПП-2000» с коллиматорным прицелом. У водителя всегда под рукой было такое же оружие. Я был безоружным. Но Магомедов тут же передал мне пистолет-пулемет с соседнего сиденья, а сам достал свой пистолет. С этим «макаровым» он был и в прошлый раз, когда нас пытались расстрелять в таком же микроавтобусе – той же марки, той же модификации, того же цвета... Но сейчас я обратил внимание на стекла «Фольксвагена». Бронированную машину можно определить, в первую очередь, по стеклам. Технология бронирования такова, что избежать выделения на стекле некоего подобия затемненной рамки невозможно. Я сам с этой технологией не знаком, но мне когда-то объясняли эту тонкость. То, что машина медленнее разгоняется и медленнее едет, даже если у нее форсировали двигатель, не каждый со стороны заметит. В городе, где скорость ограничена, это вообще не бросается в глаза. А вот многослойные стекла бронированную машину выдают. И не случайно, надо полагать, именно такую прислали за мной в этот раз.

– И что опять у нас случилось? – спросил я.

– Сегодня ночью было совершено нападение на медицинский центр, – объяснил Магомедов. – Наш дежурный в одиночку отбиться не сумел бы. Два охранника с электрошокерами в руках помощи оказать не могли, да и не рвались это сделать. По чистой случайности мимо проезжала машина вневедомственной охраны, менты среагировали на перестрелку и вмешались. Одного бандита подстрелили. Оказался дагестанцем. Остальные, как только показались еще две ментовские машины, сбежали через дворы, где, видимо, оставили свои тачки. Напрямую там проехать нельзя, и потому погоню организовать не удалось. Бежать за людьми, а тем более за машинами, насквозь прокуренные менты не умеют. Но это было только началом наступления. А рано утром было совершено покушение на генерала Лукьянова. Он ранен – к счастью, легко. Хотя две автоматные пули все же получил. Но он стреляет лучше нас всех, вместе взятых. Двух нападавших уложил. «Наглухо», к сожалению. Впрочем, мы и без того знаем, кто покушался. По крайней мере, их принадлежность. Личности, может быть, и определим, хотя документов у них с собой не было.

– Нормально, – сказал я. – Война с Северного Кавказа переместилась в восточную часть Москвы... Этого и следовало ожидать при текущей государственной политике. Нужно было быть всем осторожнее, принять превентивные меры... Я просто удивляюсь, как этого не случилось раньше. Теперь можно ждать покушений и на других офицеров.

– Почему этого следовало ожидать раньше? – спросил капитан Магомедов с легким волнением, отчего его акцент стал звучать более отчетливо. – Я не вижу, где мы прокололись настолько откровенно, чтобы вызвать эту атаку. Или мы чего-то не додумали? Почему? И чего? Объясни.

2

– Что тут объяснять... Как началось мое с вами сотрудничество, помнишь?

– Как? – теперь спросил Сережа. – Ты лучше давай без отвлеченных вопросов. Если есть мысли, высказывай сразу. У нас положение постоянного ожидания боя.

– Мой вопрос по существу дела. В тот, первый раз, кто-то из ваших сдал меня. Мне позвонили и пригласили на свидание с генералом. Место свидания – неподалеку от деревни моей мамы. Если кто-то знал, где меня искать, он знал все про деятельность «Комитета взаимопомощи». И дислокацию, и личный состав. Ваш Комитет тогда прорабатывал варианты сотрудничества со мной, и эта информация ушла на сторону. Генерал, кажется, говорил, что знает «крота». Но, возможно, «крот» был не один, или же генерал ошибся в определении личности. В любом случае следовало перестраховаться и сменить хотя бы место дислокации – может быть, перейти на полулегальное положение. Хотя я не уверен, что это помогло бы. Кроме того, «сдача» может идти на более высоком уровне, чем уровень Лукьянова. Сейчас так чаще всего и бывает.

– Может быть, – неохотно признал Магомедов.

– А что сейчас? – поинтересовался я, позевывая. – Здесь, с нами... Просто перестраховка или тоже сложная ситуация?

– Есть машина с двумя кавказцами, – объяснил Сережа. – Стоит в стороне. Парни сидят в машине, не выходили. По какой причине здесь остановились – непонятно. Несколько раз кому-то звонили. Впечатление такое, будто кого-то ждут. Не исключено, что именно тебя. Мы поехали, они с места не тронулись. В нашу сторону не смотрели. Возможно, я перестраховываюсь, но лучше уж так. В зеркало я их пока не вижу.

– Это ничего не значит, – сказал я. – Они могут тронуться, как только мы свернем за угол. А за углом дорогу перекроет непонятно откуда взявшийся мусоровоз. Вроде как разворачиваться на узкой улочке вдруг надумает. Там пара стволов, сзади пара стволов подоспеет...

– Машина у нас в этот раз... – начал объяснять капитан Магомедов.

– Вижу, что бронированная, – перебил я его. – От пистолета и автомата прикроет, но от гранаты из простого «подствольника» не спасет. Да и без «подствольника»... Одной кумулятивной гранаты хватит, чтобы сжечь нас здесь живьем. А тут даже форточки нет, чтобы из нее отстреливаться. Двери открывать – лишать себя брони. Тогда какой смысл в этой машине?

– Согласен, – сказал старший лейтенант. – Будем осторожнее. Вы тоже за спину поглядывайте, мне в зеркала не все видно. Поедем тем же путем, что и раньше, через промышленную зону. Держите оружие наготове.

Я проверил, есть ли патрон в патроннике выделенного мне пистолет-пулемета, убедился, что оружие готово к бою, попробовал, насколько легко снимается левосторонний предохранитель, и спокойно стал ждать развития событий. И, как всякий человек действия, желал, чтобы такое началось как можно быстрее. Ожидание обычно утомляет не меньше, если не больше, чем скоротечное действие.

Дорогу от госпиталя до медицинского центра на шоссе Энтузиастов я уже знал. Вернее, это была не дорога, а маршрут, потому что местами нам приходилось проезжать там, где дороги нет вообще. Микроавтобус проходимостью не отличается; тем не менее в отсутствие дождей и грязи с рытвинами и ухабинами он справлялся. Мы с Магомедовым поочередно оборачивались, чтобы проконтролировать ситуацию сзади. Но нас никто не преследовал. Я вообще не думал, что та машина с двумя кавказцами, стоявшая около госпиталя, была предназначена для погони. Охотники за моей головой обязательно посадили бы в машину человек пять – они уже сажали пятерых. Тогда невредимым оказался только водитель, трое были убиты, один ранен. Простая логика и знание бандитских манер не давали возможности предположить, что в этот раз «на охоту» выйдут только двое. Хотя застрахованным от случайностей и непредвиденных обстоятельств не может быть никто. Вдруг у них появился хороший оперативник-психолог, который понимает, что машина с пятью людьми привлечет больше внимания, чем с двумя, а дело можно сделать и с одним автоматным стволом. Хотя... Все-таки, когда один человек за рулем, а другой стреляет – это совсем не то, когда один за рулем, а стреляют четверо. Впрочем, в тот раз я начал отвечать раньше, как только в окна начали высовываться автоматные стволы. В общем, преподнес бандитам урок грамотных действий. Усвоили они его или нет, но тот эпизод был для них основательным щелчком по носу. Причем, когда по носу щелкают не пальцем, а пистолетной пулей, случается значительно больше...

Но чем хороши все кавказцы – так это тем, что любят идти навстречу опасности. Правда, когда получают встречный удар, часто теряются, и их отвага куда-то исчезает, но начинают они всегда хорошо и бесстрашно. Пора было бы уже и начинать, потому что ждать я устал. Я вообще устал сегодня ждать. Сначала решения комиссии, теперь вот – атаки на мою несчастную, гвоздями пробитую голову...

Выехали мы на шоссе Энтузиастов точно там же, где и в прошлый раз, – в сотне метров от медицинского центра. Правда, пришлось долго простоять на нерегулируемом перекрестке – никто не давал нашему микроавтобусу вклиниться в общий поток. Но когда поток почти встал, продвигаясь только короткими отрезками, старший лейтенант все же умудрился встрять в него, и у нас появилась счастливая возможность добраться до генерала Лукьянова. Уже через полста метров старший лейтенант вытянул шею, всматриваясь в стоянку около медицинского центра.

– Что там? – забеспокоился Магомедов.

– Ни разу не видел на стоянке столько машин сразу. Это мне не нравится.

Магомедов вытащил мобильник и позвонил генералу. Задал вопрос, получил ответ и сообщил нам:

– Какой-то деятель с охраной приехал к врачу. То ли из правительства, то ли вор в законе. Все машины из его кортежа. Едем...

Нам на стоянке места хватило. Оружие пришлось оставить в машине, там же задержался и старший лейтенант. Под пристальными взглядами охраны мы с Магомедовым прошли в здание, по дороге коротко осмотрев пробоины в нескольких оконных стеклах, следы от пуль на металлических дверях и стенах. Охрана стояла и рядом с лестницей на второй этаж. Нас не остановили, но «прощупали» взглядами основательно. Скорее всего приехал именно вор, потому что парни из ФСО не постеснялись бы остановить людей в форме, а на охрану вора фирменный «краповый» берет капитана Магомедова произвел нужное впечатление. Не рискнули связываться. Конечно, если бы мы шли с оружием в руках, реакция могла бы быть другой...

* * *

Перед генералом на столе тоже лежал пистолет-пулемет «ПП-2000». Лежал так, что рукоятка оказалась бы в ладони за долю секунды. Обжегшись, как говорится, на молоке, даже генералы дуют на воду...

– Видишь, выгляжу не хуже, чем ты... – Лукьянов поднял перевязанную правую руку и осторожно потрогал левое плечо, где под генеральским погоном тоже явственно выделялась повязка. – Присаживайся, не стесняйся, инвалид.

– Неужели я так плох, товарищ генерал? – выразил я удивление и непонимание, но, признаться, на «инвалида» слегка обиделся и потому позволил себе вольность со старшим по званию. Впрочем, сейчас я уже могу позволить себе вольность с любым генералом.

Николай Владимирович мой тон штатного армейского бодрячка оценил по достоинству и что-то прокряхтел. Похоже, ранения доставляли ему боль. Впрочем, я уже определил на глазок, что ранения легкие и не вызовут последствий, даже если задеты кости.

Лукьянов сразу решил поставить меня на место.

– Плох – не плох, а инвалид, однако. А вот я вполне могу обойтись и без комиссии. Тем более что она, как я понимаю, сама по себе хуже ранения...

– Это только потому, что вы, товарищ генерал, до госпиталя не добрались. Наверное, пробки на дорогах помешали. Повязки здесь накладывали, в медицинском центре?

– Нет, прямо в машине «Скорой помощи». От госпитализации я, памятуя твой пример, благоразумно отказался. Впрочем, у нас свой госпиталь, и там другое отношение к раненым. По крайней мере, наши врачи в полевых условиях после перевязки отправляют раненых в строй. Считают, что долечиваться следует дома. И в этом есть здоровое зерно...

Это уж точно – скорее на поправку пойдешь. А вот если врач говорит, что ты смертельно болен, – ты не захочешь, а умрешь раньше отведенного тебе срока. Если врач скажет, что тебе лежать надо, а ходить запрещено, у тебя ноги отниматься начнут. Подсознание заставит. А все потому, что большинство людей привыкли верить врачам, как таксистам. Таксист должен довезти тебя до места без аварии? Должен. И врач должен вылечить. А если таксист с похмелья? А если врач в своем деле дуб дубом? Слишком сложная вещь – человеческий организм, трудно человеку разобраться с тем, что создано Богом...

– Вот потому я и пообещал жене, что даже в поликлинику не пойду, – продолжил Лукьянов. – Она сама мне будет перевязку делать. Пули навывлет прошли. Что, кроме перевязки, требуется?

– Врачи скажут – покой, – пообещал я. – До последнего вдоха...

– Жена у меня твоей точки зрения придерживается, Валар. Говорит, если в стране в три раза сократить количество врачей, то в девять раз уменьшится количество больных... Но мы сейчас не об этом. Я уже знаю, что с тобой решила комиссия, и потому спрашиваю прямо: что делать намерен?

– Пенсию оформлять, товарищ генерал, – честно сказал я, хотя понимал, что генерал ждет от меня не совсем такого ответа.

– Это за тебя сделает твое управление кадров. И времени свободного у тебя на пенсии появится гораздо больше, чем ты хочешь. А я вот от своей природной жадности пытаюсь твое время к своим рукам прибрать. Загребущие у меня руки. Не будешь сильно возражать?

А что мне было возразить? Когда я был в трудном положении, Комитет мне защиту и охрану выставлял. И мне, и маме, пока меня в СИЗО муржили. Сейчас Комитету хреново. Неужели я стану неблагодарным и откажусь?

– Слушаю ваше предложение, товарищ генерал.

Я больше привык к конкретным словам, чем к вопросам, на которые трудно ответить. Я ведь, говоря честно, до самого конца надеялся, что меня признают годным к службе. Уже много раз и от многих людей слышал, что не признают, – а все равно надеялся. Как оказалось, напрасно. Значит, если мои силы, знания и умения не могут найти себе применения там, где применялись раньше, то я, чтобы не скиснуть и не запить, как случается с некоторыми, просто обязан искать себе занятие.

Генерал был более реалистичен, чем я. Он уже давно понял, что на прежнюю службу мне возврата нет.

– Я кроме того раза, когда тебя навестил, еще несколько раз в госпиталь приезжал. Имел долгие беседы с врачами. Сначала меня вообще опечалили: сказали, что ты безнадежен с точки зрения возвращения в строй. Считали, что не встанешь, а если встанешь, то только на четвереньки, чтобы самостоятельно до горшка добраться. Но ты поднялся в полный рост и этим сильно удивил врачей. Потом стали считать, что голову тебе восстановить будет невозможно – дескать, поражен важный участок коры головного мозга, и ты теперь лишен возможности мыслить логически и адекватно реагировать на происходящие события. Они называют это аффективной лабильностью. Есть такое психическое явление, которое выражается в неустойчивости настроения и неспособности контролировать свои эмоции. Недавно читал про шестилетнюю девочку в Великобритании, она после операции по удалению опухоли мозга смеялась без перерыва три недели. Тот же самый диагноз – аффективная лабильность. Такие могут быть последствия. Одна из главных причин данного заболевания, как сказали врачи, – различные повреждения головного мозга, в том числе и операционное вмешательство. Недуг этот поражает около пяти процентов всех, кто перенес операцию на мозге. Человек, к примеру, становится подверженным частому впадению в депрессию или проявлениям беспричинной агрессии. Но ты и голову, как я понял, назло врачам восстановил, и готов отвечать за себя и свои действия. Правда, они в этом не уверены и говорят, что все это будет проявляться в экстремальных ситуациях, а сейчас пока говорить о чем-либо рано. Сейчас у тебя нет проявлений аффективной лабильности, но болезнь изучена слабо, и потому никто не может дать гарантию, что она не появится позже. И по этой причине тебя может коснуться ограничение в праве ношения даже наградного оружия. Наверное, даже травматического. На этом врачи настаивают категорично и бесповоротно. Боятся, что агрессия проявится в момент, когда ты будешь вооружен. Это, как они считают, чревато последствиями. Я специально интересовался: еще не зарегистрировано ни одного случая проявления аффективной лабильности как посттравматического синдрома спустя такое продолжительное время после самой травмы. Однако врачи перестраховываются; говорят, что ты можешь стукнуться головой о ветку дерева или неудачно упасть, и гвоздь сдвинется. И тогда последствия непредсказуемы.

– У меня устойчивая, на подсознательном уровне выработанная привычка контролировать свои действия, – возразил я. – Это привычка человека, который практически никогда не расстается с оружием, да и сам во многом является оружием...

– Последствия, – продолжил генерал свою мысль, – если у тебя в руках будет оружие. А его тебе нужно иметь обязательно. Без него в нашей жизни и при наших контактах со многими вооруженными людьми, как сам понимаешь, никак нельзя. Но эту проблему я могу сам решить, без врачей. Не думаю, что ты будешь возражать. Не будешь, надеюсь?

Генерал вопросительно поднял брови и посмотрел на меня в упор. Так держат брови бывшие и настоящие боксеры, при этом еще и подбородок опускают к груди, как и генерал. Из этого я сделал вывод, что Лукьянов когда-то занимался боксом.

– Не буду.

– И, пожалуйста, береги голову. Никто, в том числе и ты, не знает, что может случиться после любой травмы головы, после любого случайного удара. Знаешь, бывает так: идешь по улице, никого не трогаешь, и вдруг – летит удар... Такие случаи ты должен предвидеть и избегать их. Береги голову. Поверь мне, сгодится еще...

А я вдруг осознал плоскость, в которой ведется разговор. Хорошо осознал, как руками пощупал. И мне, честно говоря, не все в этом разговоре понравилось. Очевидно, генерал Лукьянов тоже почувствовал себя врачом; считает, что лучше меня знает, что мне теперь делать, чем мне заниматься, и моего согласия спрашивать даже не желает. Он говорит о моей дальнейшей жизни так, словно он все за меня сам решил, а мое согласие его не интересует. Да, я только что думал о том, что обязан помочь Комитету. Но кто сказал, что я должен в нем служить? А добывать разрешение на оружие человеку, не входящему в штат Комитета, генерал Лукьянов не будет.

– Товарищ генерал, извините, но вы так размышляете, словно я уже написал рапорт о приеме меня на службу в Комитет... Вы меня, кажется, даже не спросили.

– Разве я так размышляю? – удивился Лукьянов и едва заметно улыбнулся.

Улыбка шла его грубому, словно из камня рубленному лицу, очеловечивая его и делая доступнее. Впрочем, я не знаю человека, которому не шла бы улыбка. У меня мама улыбается очень редко, но когда она улыбается, это для меня всегда праздник.

– По крайней мере, вы начинаете решать мои проблемы так, как обычно решают проблемы своих сотрудников. Мне так показалось.

– Не переживай понапрасну, Валар. Без твоего участия женить тебя не будем. Или тебе не нужно оружие? Или ты не участник локальных военных конфликтов и мой Комитет не обязан тебе помогать? С твоей же, естественно, помощью. Пока мы говорим с тобой только на этом уровне, не более.

– Слава богу, если это так.

– Но, раз уж ты встаешь в позу неприкасаемого, я вынужден буду сам задать тебе вопрос о дальнейших планах на жизнь. Во время и после оформления пенсии.

– Остановиться хочется. Осмотреться, подумать... Пока нет никаких планов. Мы все бежим, торопимся жизнь прожить – и не любим останавливаться, не любим задумываться, потому что после раздумий захочется переменить жизнь, а этого мы на подсознательном уровне боимся.

– Признаюсь, мне странно слышать такие слова от офицера спецназа. Пусть даже спецназа ГРУ... Я хорошо знаю, что вы там все себе на уме. Философы войны, грубо говоря. Но как можно останавливаться, осматриваться и задумываться, когда в тебя готовятся стрелять, когда противник уже ствол поднял и предохранитель опустил? Этого я не понимаю...

– В меня опять готовятся стрелять? – спросил я невозмутимо и даже с некоторым удивлением. Но удивление мое естественным не получилось – я прекрасно знал, что подстрелить меня желает очень много людей.

– А ты надеялся, что от тебя отстали и полностью переключились на меня? Напрасно. Я вообще с боку припека. Я не был даже в первоначальном варианте известного тебе списка людей, подлежащих уничтожению за хорошее выполнение своего воинского долга. Меня в этот список включили только потому, что я со своими людьми сумел защитить тебя. То есть так это выглядит, хотя в действительности ты сам себя защитил... Но торговаться и выяснять, кто играл первую скрипку, мы сейчас не будем. Поговорим о деле. Я объясню, в чем могу помочь тебе. Помимо всего прочего, тебе не обойтись без наших агентурных данных...

Глава вторая

1

Генерал говорил горячо и убедительно, кивая в такт своим словам. Я даже слегка задумался, оценивая его правоту. Но быстро нашел, что ответить:

– Извините, товарищ генерал, но эти агентурные данные не смогли предотвратить нападение на ваш офис и не предупредили о готовящемся нападении на вас. Значит, они неполные, и полагаться на них сложно. Это я не к тому говорю, что мог бы и раньше обходиться без них, а просто констатирую факт. И факт очевидный.

Генерал помрачнел и уже не улыбался.

– В этом ты прав. Наши агентурные данные были полными только тогда, когда все действия планировались там, на Северном Кавказе. А сейчас кто-то из организаторов всей этой охоты засел уже в Москве и руководит отсюда, хотя и согласовывает свои действия с нанявшим его руководством, и потому отголоски информации до нас все же доходят. Однако не в полном объеме, потому что организатор, насколько нам известно, не входит в их систему и полные отчеты и обязательные согласования делать не обязан. Понимаешь, к чему дело пришло?

– Менты с Кавказа кого-то наняли? – Я не скрывал своего удивления. – Менты наняли бандитов? То есть одни бандиты, не справившись, наняли других?

Удивление мое было понятным. Бандиты чаще воюют против своих же ментов, чем против других вооруженных формирований, даже созданных в глубине России, то есть состоящих из иноверцев и иноплеменников. Особенно это касается Дагестана, где менты уже всех достали и больше половины бандитов ушли в горы и в леса только потому, что менты их к этому принудили. Это не домыслы, это статистика допросов сразу после задержания, если таковое было все же произведено. Ведь и сами местные менты, и вооруженные формирования стараются обходиться без пленных, хорошо зная, что скоро эти пленники снова появятся в том же лесу, из которого их извлекли силой.

– Вывозить тела убитых во время прошлых операций мы им не мешали, да и не планировали. Помешали менты. Ты сам видел, как бегал и суетился твой участковый. Взрывы и выстрелы слышали многие, но кто там, рядом с деревней, воевал, – до сих пор не выяснено. Однако после твоих успешных действий потери у противника были такие значительные, что скрыть их было невозможно. Все убитые рядом с твоей деревней были без документов и остались неопознанными. Но, по данным ментовских сводок, в ряде республик Северного Кавказа ситуация вдруг стала слишком опасной. По сообщениям местных правоохранительных органов, резко возросла террористическая угроза. Один за другим стали взрываться ментовские автомобили. Причем взрывались так, что опознать тела было невозможно. Кого взрывали в действительности, мне неизвестно. Я знаю только, что так «списывали» погибших рядом с твоей деревней ментов. И потому инициаторы акции – те, кто составлял список, – решили, что будет лучше, если в следующий раз погибнут бандиты. Не знаю, каким образом, за деньги или шантажом, но они смогли заставить выбраться из леса и перебраться в Москву настоящих подготовленных бандитов-террористов, не знающих жалости парней. По крайней мере, один из тех, кого я подстрелил сегодня утром, давно уже в федеральном розыске за то, что убил главу сельской администрации в Дагестане, а потом вырезал всю его семью вместе с детьми. И таких вот отморожков натравили на нас. Им все равно уже нечего терять, и они прекрасно знают, что жизнь им сохраняет только один лишь случай. В конце концов, их достанут и перебьют. И они к этому готовы, потому за себя будут драться до конца. Это не менты...

– И даже не полицейские, – добавил капитан Магомедов.

– Да, милиционеров стали называть полицейскими, – поправился генерал. – Но и те, и другие так ментами и остались – и по сути своей, и по названию. Пока ничего нового не придумали. А те, местные... От бандитов они отличаются только тем, что воевать, как бандиты, не умеют, потому что привыкли бить тех, кто сопротивления оказать не может. А бандиты готовы воевать со всеми. И даже с нами. У них есть одна черта, которая делает их достаточно опасными, – отчаяние. От него, говорят, даже города берут минимальными силами, потому что отступать некуда. Отчаяние заставило Наполеона победить под деревней Маренго – и это определило всю его личную дальнейшую судьбу и судьбу Европы на многие годы вперед. И нам тоже необходимо с этим считаться...

В чехле на поясе Лукьянова зазвонила трубка мобильного. Он вытащил ее, посмотрел на определитель и ответил:

– Генерал Лукьянов. Слушаю, Виктор Сергеевич. Мы как раз о вашей братии говорили. Если вы раньше все были ментами, то как вас теперь называть? Не понтами же. Хотя тоже колоритно... Ладно, придумаем сами... Ты по делу? Я слушаю тебя, Виктор Сергеевич...

Мне не было слышно, что там этот мент-понт говорит генералу, и потому я просто ждал. Разговор закончился достаточно быстро, после нескольких генеральских вопросов и долгих ответов на них. Но беседа эта была явно деловой, что я сумел понять из нескольких фраз Лукьянова, и имела прямое отношение к нашим общим делам. Так и оказалось. Попрошавшись, Николай Владимирович убрал трубку и довольно долго что-то обдумывал. Лицо его при этом было сосредоточенно и мрачно.

– Неприятные новости, товарищ генерал? – наконец не выдержал я, напомнив Лукьянову о своем присутствии в кабинете.

– Как сказать, приятные или неприятные... Просто информация к размышлению. Произведена первичная баллистическая экспертиза пули, что прошла через мою руку и застряла в центральной стойке машины. Пуля, попав в пластик, сохранилась достаточно хорошо, и потому результат экспертизы выдали быстро. Так вот, три дня назад на Ярославском шоссе было совершено нападение на автозаправочную станцию. Информация о готовящемся нападении была получена несколькими днями раньше. И на всех ближайших к Москве заправках были выставлены засады. Нападавшие на такую засаду и нарвались. Их было шесть человек. На всех – три пистолета, обрез и автомат. Водитель был безоружным. Двоих бандитов убили в перестрелке, трое сдались, а один, с автоматом, сумел убежать в лес. Отстреливаясь, ранил двух ментов, потому и не смогли догнать. А теперь и пуля, и автомат выплыли... О чем это говорит?

– Лишь о том, о чем мы с вами только что разговаривали: менты наняли настоящих бандитов из леса. А по национальности задержанные кто?

– Жители Дагестана. А по национальности – кто их знает... В Дагестане куча разных национальностей живет. Все они – просто дагестанцы, и все.

– Это меня и смущает, – заметил я. – Или сами менты из отъявленных бандитов и поэтому дружат с себе подобными, или эти бандиты не настоящие, а так, новички. Я бы, товарищ генерал, склонился ко второму мнению.

– Почему? – вяло, вроде бы думая о чем-то своем, спросил Николай Владимирович.

– Все просто. Две акции, и обе провалены. К тому же, как вы говорите, в первом случае их кто-то сдал. Настоящих бандитов не сдают.

– Сдала женщина, которая приютила у себя одного из них. Рассчитывала на короткую связь, на развлечение, а потом опомнилась, когда избавиться от него никак не могла. Убить грозился, потому и сдала.

– Опять-таки несерьезно. Это дилетанты. Серьезный бандит не мог бы допустить, чтобы женщина, которую он запугивает, узнала о готовящейся акции.

– К двум твоим вариантам я добавил бы третий. Менты там, в Дагестане, взяли бандитов на чем-то – и не стали доводить дело до суда. Предложили выполнить задание и в этом

случае все материалы дела уничтожить. Я с такими вариантами на Кавказе уже несколько раз сталкивался.

– Возможно, – согласился я. – Но если уж идти в эту сторону, я бы еще и четвертый вариант добавил, с которым тоже сталкивался. Был уже в моей практике случай, когда, ликвидируя банду, мы подстрелили бандита, у которого были при себе документы. Правда, не паспорт, а только военный билет и водительское удостоверение. На фотографиях – он. Фотографии не вклеены, изначально там были. Экспертиза подтвердила – «родные». Стали проверять дальше, надеялись выйти на его связи; оказалось, мужик в это время должен срок отбывать. Стали других убитых из той же банды проверять, кто без документов был. И всех удалось опознать. Все они в это время официально отбывали срок в колонии строгого режима. Не знаю уж, чем дело закончилось – мы передали материалы в прокуратуру, – но факт остается фактом: банда сформировалась в «зоне», возможно, кем-то и с определенной целью, и отправлена на выполнение задания. Наверное, планировали вернуться в «зону», иначе как бы тамошнее начальство отчитывалось. Впрочем, отчитываться они умеют...

– Это тоже вариант, – согласился генерал. – Но у меня другая мысль в голове сидит. Отношение к нашему списку... Я вот вообще ни разу в Дагестане не был, ни одной командировки туда. Практически по всем республикам проехал и прошел, а вот в Дагестан как-то не заносило, хотя именно там сейчас самая сложная обстановка. А ты?

– Дважды бывал официально, а один раз нас в помощь из Ингушетии вертолетом перебрасывали. Прилетели, отстрелялись – и снова в Ингушетию, свои дела заканчивать... А другие – бывали?

– Нет у меня пока данных. Прикажу подготовить на всех, чтобы иметь точную картину. Но мне все же кажется странным тот факт, что дагестанцы первой жертвой выбрали меня, хотя я в Дагестане не был. О чем это говорит?

– Это говорит о том, что планирование осуществлялось каким-то общим центром. Хотя бы первичное, в общих чертах и директивах. А потом уже на месте кто-то прорабатывал планы в деталях, с привязкой к местности. Кроме того, вероятно, плавают информация о том, что Комитет занимается защитой людей из списка. И бандитам есть резон начинать именно с руководителя, чтобы парализовать деятельность организации и беспрепятственно расправиться с остальными.

– Вот именно, – согласился генерал. – А твоя мысль о том, что банда состоит не из бандитов-боевиков, а из уголовников, мне нравится. Когда в меня стреляли, почему я сумел так удачно от них избавиться?

– Почему?

– Потому что они и засаду делают, как уголовники, дурных фильмов насмотревшиеся. С рисовкой, с выходом в полный рост, как Терминатор или, что еще глупее, Рэмбо. Так только уголовники могут. Боевики из леса сработали бы более аккуратно и безопасно для себя.

– Спасибо ментам за это. Но вообще-то, между уголовниками и боевиками разницы мало. По крайней мере, для тех, на кого они охотятся.

– Разница в подготовке... Хочешь, рассмешу? Около месяца назад ФСБ задержала какого-то кабардинца, который изготавливал взрывное устройство. Его вместе с этим устройством и прихватили на съемной квартире. И знаешь, что было в этой машинке самым главным?

– Что?

– Таймер с крупным табло. Цифры по пять сантиметров – видимо, на случай, если слепой попадется...

Я и в самом деле хохотнул. Меня всегда умиляли тупые голливудские боевики, где взрывное устройство всегда имеет таймер с табло и сообщает жертвам-героям, когда им предстоит взлететь на воздух – чтобы успели помолиться и исповедоваться, наверное. Ни один нормальный специалист не будет ставить такую дурость на взрывное устройство. Зачем усложнять и без

того сложную технику? Только ради того, чтобы режиссер фильма имел возможность выпендриться и закрутить сюжет, как ему кажется, покруче? Я вообще киношные боевики стараюсь не смотреть. Ни наши, ни американские. Разве что фильмы со Стивеном Сигалом. Как специалист могу оценить его способности в рукопашном бою. Это не какой-нибудь бывший балерун ван Дамм, вызывающий своим умением только смех. Сигал – настоящий боец, и не заметить этого нельзя.

– Так вот, – продолжил генерал, – этот взрывотехник был чистым уголовником. Он не теракт готовил, а хотел взорвать стену сбербанка. Правда, тот был на первом этаже жилого многоэтажного дома, и к чему это могло привести, если там было полтора килограмма взрывчатки в тротиловом эквиваленте...

– Стена дома рухнула бы, причем ровно на сбербанк, и подойти к внутренним помещениям было бы невозможно, – сделал я вывод. – Следовательно, взрыв был простым баловством. Своего рода мелким хулиганством с отягчающими последствиями, оцениваемыми по статье о терроризме. То есть тянущими на пожизненное заключение.

Дверь открылась, и вошел старший лейтенант Сережа.

– Я чай свежий заварил. Приглашаю в свой кабинет.

– Отказаться от твоего чая я не смогу, – сказал генерал.

– А я тем более, – заметил я, – потому что товарищ генерал не догадался меня угостить.

Встали мы дружно и одновременно, и я не заметил, что Лукьянову после двух ранений навывлет и сопутствующей этому неизбежной потери крови было сложно передвигаться. Впрочем, он, наверное, хорошо умел собой владеть.

К генеральскому столу мы вернулись через десяток минут, поговорив о жизни с другими офицерами Комитета взаимопомощи в большой общей комнате, где поставить еще один письменный стол было бы просто невозможно. И если раньше я удивлялся, как Лукьянов обходится без отдельного кабинета, что вообще-то не вяжется с его воинским званием, то после чаепития мне стало казаться, что генерал устроился очень удобно. Тем более что офицеры-соседи стараются ему не мешать, а при необходимости он просто отсылает их.

Капитан Магомедов с нами в кабинет не вернулся. Он и чай не пил, и неизвестно куда исчез. Впрочем, передо мной Магомед отчитываться был не обязан, хотя я надеялся, что он вместе с Сережей сопроводит меня до дома мамы. Впрочем, генерал Лукьянов всегда был предусмотрительным человеком и наверняка кого-то со мной отправит. Однако для того, чтобы мне отправиться в деревню, необходимо было закончить разговор и принять хоть какое-то совместное решение.

– А теперь вернемся к истокам твоего недовольства, – сказал Николай Владимирович. – Если ты, конечно, не против.

– Я не против, – сказал я. – Я всегда за то, чтобы точки над «ё» расставлять сразу.

– Тогда я задам тебе традиционный и естественный в твоём положении вопрос о планах.

– Нет никаких планов. Я хотел бы пообщаться со своим командованием – и только после этого принимать решение.

– Извини, но я уже пообщался вместо тебя и с вашим командующим, и даже позвонил командиру бригады, как и в прошлый раз. Правда, попал на начальника штаба, но это, как я понял, ситуацию не меняет. Ты теперь в инвалидах, и даже при всем желании твое командование не вправе вернуть тебя на службу. Диагноз поставлен. Что касается твоего желания осмотреться и подумать, то я уже высказал свою точку зрения по этому вопросу. Нет у нас времени на раздумья, поскольку мы находимся в боевой обстановке.

– А каковы ваши предложения, товарищ генерал?

Я спросил, еще не будучи уверенным, что соглашусь на что-то, связывающее меня обязательствами, вместо простого сотрудничества. Но если упираться лбом в стену, так у этой стены навсегда и останешься. Следует всегда искать дверь. А если Лукьянов эту дверь мне

показывает, почему, собственно говоря, я должен продолжать толкаться в стену? Нужно хотя бы выглянуть за дверь и посмотреть, что там за ней делается. Вполне возможно, что через нее можно выйти, блюдя собственные интересы.

Вообще-то мои интересы всегда были тесно связаны со службой в спецназе ГРУ, и ни с чем другим. В этом отношении я был, наверное, перфекционист, уважающий только свою службу, не желающий знать другую и стремящийся быть образцовым во всех отношениях офицером. Но один из главных законов военного разведчика учит нас мимикрии. По большому счету, она может быть не только маскировочного характера, но и общественного, и нравственного, и даже бытового. И служебного тоже. Занимаясь чем-то другим, я могу внутренне оставаться все тем же офицером спецназа ГРУ. Вплоть до того, что оставаться им, работая воспитателем в детском саду. И потому любое предложение генерала Лукьянова я должен принять и рассмотреть, поскольку собственная служба меня уже принять не в состоянии. Генерал не обманывал меня, это я чувствовал. И раздумывать сейчас мне было не о чем.

– Признаюсь, изначально я намеревался предложить тебе длительную командировку в курортную зону. У меня есть письменное обращение терских казаков с просьбой выделить им офицера запаса, который сумел бы подготовить их к активным боевым действиям, научил методам ведения разведки, рукопашному бою и прочему. Я уже дал обещание, сразу подумав о тебе. Тем более что у тебя там должен быть высокий авторитет. Терские казаки хорошо знают, что такое «валар», и капитан Валар пришелся бы им по вкусу. А в каких условиях они сейчас живут, ты сам догадываешься. Постоянные конфликты с кавказцами и полное предательство со стороны собственной власти. Во всех спорных вопросах последняя поддерживает кавказцев. Дело доходит уже до того, что у казаков отнимают земли и передают кавказцам. А земли эти терцам еще царь жаловал. Просто сидеть и наблюдать, как их грабят, они не желают и намерены готовить отряды самообороны. Поэтому просят опытного человека, который будет способен обучить их.

– Дело хорошее, – согласился я. – Думаю, у меня могло бы получиться, хотя мои жесткие методы воспитания бойцов не всем понравятся. Но я своих солдат всегда готовил так, чтобы они и через десять лет оставались теми же солдатами спецназа.

– Терцы – народ особый. Они веками воевали с горцами – и закалились. Но сейчас об этом говорить не стоит. У нас есть ближайшая задача, и с ней мы должны справиться вместе. Здесь, в Москве...

– То есть вы предлагаете мне поступить на службу в Комитет взаимопомощи?

– К сожалению, Комитет взаимопомощи – это не военизированная организация, а только общественная, хотя большинство членов Комитета официально находятся на службе в различных частях Вооруженных сил и внутренних войск, даже полиции. Исключение составляем я, ты, капитан Магомедов и старший лейтенант Сережа. Все мы инвалиды и находимся на службе не можем по состоянию здоровья.

– Вы тоже? – удивился я.

– Все мы – инвалидная команда. И с нами не слишком считаются те, кто это знает. С одной стороны, это хорошо, потому что и противник, если он в курсе дела – а он в курсе, – тоже думает, что легко с нами справится. Мы даже умышленно это афишируем. Своего рода прикрытия и дезинформация. С другой стороны, на нас и высшие инстанции смотрят как на инвалидов, а у нас в стране, сам скоро почувствуешь, к инвалидам отношение как к отработанному материалу. Мы для власти – мусор, который можно вымести, но можно и оставить, если не слишком мешает. Потому положение наше двоякое, и при этом сложное, потому что делать мы должны много, без официальной помощи и даже вопреки официально декларируемому общественному мнению, которое, как тебе, конечно, известно, складывается из указаний сверху. Хорошо еще, что неофициально нам оказывают помощь все силовые ведомства. Однако кое-кто из политической элиты, краем уха уловив наши цели и задачи по самозащите собственных

жизней и жизнью своих товарищей, считает нас экстремистами. Откровенно, кстати, так и говорят – даже с трибуны Государственной думы. Сейчас в политической элите с подачи правящей партии пошла такая тенденция: если человек открыто и гордо называет себя русским или православным, его сразу обвиняют в экстремизме. С общественной позиции поведение политиков вполне понятно: они хотят придавить всякое иное мнение, которое может мешать им хорошо жить. Разных пройдох, что питаются западными деньгами и толкают прозападные идеи, тоже сдерживают, но именно сдерживают, а не придавливают, опасаясь западного общественного мнения, консервации своих вкладов в тамошних банках и всяческих прочих осложнений. А основное население страны придавливают жестко. Так что рай и правительственные награды я тебе не обещаю. При нашей деятельности возможно встретиться со множеством неприятных моментов, но это все на моей совести, и разгребать неприятности предстоит мне. Хорошо, что нам удалось добиться негласного сотрудничества с правоохранительными органами. Однако только на среднем административном уровне. На высоком уровне на поддержку рассчитывать не приходится. У нас денег не хватит, чтобы оплатить такие услуги...

2

Из сказанного я понял, что положение Комитета не слишком устойчивое. Тогда понятно, почему они за меня так ухватились. Не каждый решится выполнять опасную работу в неустойчивой структуре. Но меня это, с другой стороны, только подталкивало. Комитету трудно, и грех не помочь им, потому что мне они помогали активно и всеми силами.

– Вопрос можно, товарищ генерал?

– Можно. Спрашивай.

– Источник финансирования.

– Сложный вопрос. Основу составляет «черная касса» спецназа различных ведомств, участвующих в боевых действиях на Северном Кавказе. Это, грубо говоря, тот фонд, что держится в каждом ведомстве на поддержку раненых и семей погибших и на прочие житейские и насущные нужды. То, что удастся захватить в карманах убитых боевиков, идет в «черную кассу», иначе это просто попадет в карманы ментов и следаков, которые вообще в деле не участвовали. Впрочем, что я тебе объясняю; сам, наверное, кассу пополнял...

– Регулярно. Особенно раньше. Сейчас у бандитов финансирование не то, и деньги они предпочитают в карманах не носить. Разве что мелочь, несколько сотен баксов... Иногда несколько тысяч бывает, но это уже редко.

– Вот. Это у нас постоянный источник финансирования. Есть еще помощь отдельных спонсоров, которые чаще всего не хотят себя раскрывать. Некоторые просят об услугах, и мы бываем вынуждены эти услуги оказывать. Понимаешь, какого рода услуги?

– «Крышевание»?

– Да. И пресечение наездов со стороны кавказцев. Против своих мы вставать не беремся, посылаем к ментам. Пусть те разбираются. Но девяносто случаев самых безосновательных наездов совершают именно кавказцы. Мы им крылья в Москве немножко пообрезали. Жестко действовали. Может, чему-то и научили, но едва ли. Это такой народ, что жадность впереди них бежит. Если видят возможность хапнуть, сразу пытаются. Если не видят такой возможности, все равно пытаются. Из десяти человек, я имею в виду тех, что родные дома оставили и в глубинную Россию подались, восемь – разбойники на генетическом уровне, оставшиеся двое – просто мелкие воришки. Но и это не мне тебе рассказывать, сам хорошо знаешь.

– Знаю, – согласился я.

– И я знаю, товарищ генерал, – сказал старший лейтенант Сережа, войдя в дверь после короткого стука. Наш разговор он, видимо, услышал через дверь.

– Что ты знаешь? – спросил Лукьянов, вставая.

Николай Владимирович как человек в погонах хорошо понимал, что такое бесцеремонное вмешательство старшего лейтенанта в разговор может быть вызвано только какими-то особыми обстоятельствами.

– На нашей стоянке встала машина с двумя кавказцами. Я видел ее рядом с госпиталем, когда Валар выходил после комиссии. За нами они не поехали, остались на месте. Сейчас появились здесь. Два человека. И там никто машину не покидал, и здесь тоже.

Генерал среагировал сразу и нестандартно.

– Этот... вор все еще у врачей?

– Проходит какие-то процедуры, товарищ генерал.

– Подскажи охране, что в той машине, возможно, вооруженные кавказцы из враждебной криминальной группировки.

– Понял, товарищ генерал. Сделаю, – улыбнулся старший лейтенант. – Там парни с такими рожами... Они-то подсказку примут.

И сразу же вышел.

Окно генеральского кабинета выходило на другую сторону, и мы, к сожалению, не имели возможности посмотреть, что происходит на стоянке. Хотя посмотреть, может быть, стоило – хотя бы для того, чтобы проанализировать реактивное поведение кавказцев. Это поведение может показать, насколько они способны к действиям в боевой обстановке. Но генералу это, видимо, интересным не показалось, и мы продолжили наш разговор.

– Пенсия у тебя, как я понимаю, с учетом «боевых» будет неплохая. В дополнение к ней мы сможем платить тебе обычное капитанское жалование. Кроме того, предоставим служебную квартиру в Москве. Небольшую, пока ты один, однокомнатную и на окраине. Кстати, через стену от старшего лейтенанта Сережи. Но это все равно лучше, чем каждый день в деревню ездить. Что, кстати, у тебя с машиной?

– В сервисе стоит.

– Это я знаю. За машиной там присматривают по моей просьбе. Начальник охраны у них – мой бывший подчиненный. Он специально поставил дополнительную камеру наблюдения, чтобы все держать под контролем.

– Ремонт по гарантии, уже должно быть все готово. Думаю, нужно только позвонить – и съездить. Обещали сделать еще несколько дней назад. Информация после моего последнего звонка. Потом мне было не до того – к комиссии готовился.

– Что ж так долго ремонтируют? Машины вроде бы в Калуге собирают, не далеко...

– Там крупноузловая сборка, а запчасти из Германии возят. Пока заказать соберутся, пока пришлют... Их чужие проблемы не беспокоят.

– Свозят тебя, заберешь машину. На колесах все равно лучше, чем в метро.

– Свозят, если я соглашусь на работу? – переспросил я.

– В любом случае свозят. Не утрируй, Валар, свою ситуацию. Принуждать к самообороне тебя никто не будет, так и знай. Так ты не можешь решиться?

– Могу, – сказал я со вздохом, наконец-то решившись. – У меня выхода нет, все остальные концы обрезаны. Хотя я с большим удовольствием, наверное, к казакам поехал бы. Я Москву не люблю, суету не люблю. Мне нужно, чтобы порядок был. А здесь его принципиально не признают.

– Однако, Валар, здесь сейчас самая опасная ситуация. А твой авторитет среди кавказцев такой, что они в некоторых случаях торопеют. Ты для многих, как удав для обезьян.

– Вот потому я и согласен, – сказал я твердо. – Именно потому, что я для них не просто Саня Валар, не просто капитан Валар, а вообще *валар*, даже на простом, на бытовом уровне. И пусть они это поймут, и те, кто их прислал, тоже пусть поймут. Чтобы вторые поняли – это даже важнее. Давно пора уже их на место ставить. Пусть дома сидят – и думают, что в любой момент может открыться окно, а оттуда появлюсь я. Пусть по собственному саду гуляют –

и думают, что с дерева на них может *валар* свалиться. Пусть в туалет зайти боятся, потому что следом может *валар* войти – и утопить их в унитазе. Нужно посеять панику, тогда они за пределы своих республик не выскочат. И такую панику я им смог бы обеспечить.

– Прямо там, на месте? – спросил генерал.

– Не отсюда же я буду их в унитазах топить. Конечно, нужно туда ехать.

– Заманчивое дело. Я, пожалуй, подумаю и закажу списки, кого следует в первую очередь «достать». Это, конечно, может кардинально изменить картину. Хотя я допускаю и такой вариант, что это усилит охоту на тебя...

– Я справлюсь с охотниками.

– Подумаем. Но сначала нужно справиться с ними здесь, в Москве.

– Нужно идти на опережение, – заявил я категорично. – Ликвидация на опережение.

Звучит красиво и выглядеть будет эффективно.

– Для этого нужен киллер, – с сомнением сказал генерал.

– Для этого нужен офицер спецназа ГРУ.

– Ты предлагаешь нашему Комитету пойти на открытое противостояние с правоохранительными органами?

– Речь идет об уничтожении не рядовых кавказских граждан, а бандитов. Когда мы в горах обнаруживаем банду, мы уничтожаем ее. Здесь такая же банда, и она точно так же достойна уничтожения. Они даже по улицам ездят с автоматами. Разве я не прав?

– Да, с таким подходом, пожалуй, можно согласиться, – задумчиво произнес Николай Владимирович. – Хотя здесь есть определенные тонкости. Во-первых, нельзя применять принцип: «Лес рубят – щепки летят»; во-вторых, мы не знаем координаты поиска; в-третьих...

Что еще хотел сказать генерал Лукьянов, я так и не узнал, потому что даже в наши окна, находящиеся с другой стороны здания, донеслись звуки автоматных очередей и pistolетных выстрелов с автомобильной стоянки перед зданием. Значит, подсказка старшего лейтенанта Сережи сработала, и там началась заваруха...

* * *

Выходить на улицу мы не собирались, только перешли в общий кабинет, где открыли окно, в котором офицеры в «краповых» беретах своими руками только что вставили новые рамы вместе со стеклами взамен тех, что были пробиты пулями. Беда с этими пластиковыми окнами. В стеклопакете сменить только стекло невозможно. Обычно изготовление новых рам занимает несколько дней. Лукьянов по своим каналам сумел договориться, и ему за половину дня изготовили новые окна, а уж рамы навесили своими силами.

На стоянке стояла толпа. И даже ментовская машина успела подъехать, стояла с еще включенным двигателем. Видимо, проезжала мимо и свернула на выстрелы – как обычно, когда стрельба уже прекратилась. На стоянке все было кончено. Из легковой машины вытащили тела двух автоматчиков вместе с автоматами, которые убитые продолжали сжимать в руках цепкой хваткой мертвецов. Но и они умудрились уложить троих и еще пару человек ранить. Последним до приезда машины «Скорой помощи» делали неумелые перевязки.

– Чисто сработано, – сказал старший лейтенант Сережа из-за моей спины, наблюдая за происходящим на стоянке.

– Что же здесь чистого? – спросил я. – Куча трупов с двух сторон. Если это «чисто», то что же называется «грязной работой»?

– Я не про них. Я про нас, – оправдался старший лейтенант. – Стреляли кавказцы и охрана вора, а мы в этой ситуации остались чистыми и вообще ни при чем.

– Если только с этой стороны смотреть, – согласился я неохотно.

– Сережа, выйди туда. Тебя все равно сейчас позвуют и спросят, откуда про оружие у кавказцев узнал, – распорядился Лукьянов.

– Как откуда узнал, товарищ генерал? – удивился Сережа. – В окно увидел, как ствол в машине мелькнул. Подумал, что кто-то вора грохнуть хочет, и сообщил охране...

– Нормальный ход. Выйди, поговори. Попробуй получить данные на убитых кавказцев: откуда, фамилии, имена и прочее. Номер их машины отсюда не видно, запомни его, – попросил я.

Старший лейтенант моментально назвал номер, который запомнил, видимо, еще у госпиталя. Номер был московским, но это ни о чем не говорит.

Сережа вышел. Генерал, чтобы не возвращаться в свой кабинет, сел за включенный компьютер за чужим столом. Набрал адрес, громко стукнул по клавише «Enter», вышел на какой-то сайт, там дополнительно набрал пароль и стал вводить стандартные данные на машину: марка, цвет, номер.

– Владелец – Николишина Маргарита Валентиновна, двадцати восьми лет от роду. Машина зарегистрирована только на прошлой неделе. У самой Николишиной, кстати, в графе «номер водительского удостоверения» стоит прочерк. Естественно предположить, что она даже прав не имеет и некто купил эту машину на ее имя. В Москве полно девок, которые вешаются на кавказцев. Кто желает, найдет.

– Нас женщины любят, – согласился капитан Магомедов, отходя от окна.

– Женщины любят своих мужей, – поправил генерал с неодобрением. – А залетных парней любят девки. Шалавы... И много проблем создают тем, кто потом этих залетных парней разыскивает. Можешь сам в этом убедиться. Возьми данные на Николишину, запиши адрес, чтобы не спутать, и найди ее. Нужна информация на парня, который купил машину и оформил на нее. Это срочно.

Записав данные в блокнот, Магомед вышел. Генерал вопросительно посмотрел на меня.

– Это кончик, за который можно уцепиться, – согласился я, правильно понимая взгляд Лукьянова и подтверждая свои намерения работать на опережение.

– Это как раз те координаты, на отсутствие которых я тебе жаловался. Магомед парень дотошный, он найдет. К тому же он говорит правду – по крайней мере, в отношении себя. Капитан женщинам нравится и умеет с ними договариваться. Впрочем, все зависит от женщины. Пожелает ли она, вот главный для нас вопрос. Но здесь есть множество способов давления через антитеррористический комитет. Пособничество террористу, согласно последним поправкам к закону, расценивается и наказывается наравне с действиями самого террориста. Я думаю, у нас есть возможность доказать если не суду, то женщине, что убитый кавказец был террористом. При необходимости, думаю, я смогу предоставить ей даже копию акта о наличии следов взрывчатых веществ на пальцах и одежде убитого. Изготовить такой акт экспертизы на компьютере можно за час. Этого хватит, чтобы добавить ее и принудить к сотрудничеству. Если и это не пройдет, я сумею организовать ее задержание. Любой следователь сумеет объяснить, что мертвому она уже не поможет, а себе может сильно навредить молчанием. Едва ли кто-то из-за пустяка пожелает рисковать получением пожизненного заключения. Тем более женщина.

– Дело за малым – имена и фамилии убитых, – сказал я. – Что скажешь, Сережа? – Последняя фраза относилась к старшему лейтенанту, вернувшемуся с листком в руке.

– За рулем был Джалал Аминович Исрафилов, машина оформлена не на него, ездил по доверенности. На пассажирском сиденье находился Абдул Баратович Шагабутдинов. Мне лично эти фамилии ничего не говорят. Нужно проверять по розыску и вообще по общей ментовской картотеке. Могут оказаться там. Должны бы оказаться, судя по многочисленным татуировкам на руках. «Партаки» фирменные, «зоновские».

Старший лейтенант положил на стол перед Лукьяновым короткий список из двух фамилий.

– Менты такие щедрые? – удивился генерал. – Без разговоров предоставили постороннему человеку данные? А я уж намеревался звонить по своим адресам, чтобы их добыть.

– Вор ментам приказал, – сообщил Сережа. – Я пообещал «пробить» их по базе.

– Кому обещал? – не понял я. – Разве у ментов нет собственной базы?

– У вора собственной базы нет, – объяснил Сережа. – У него свои конфликты с кавказцами, и он хочет знать, что за парни, откуда здесь появились и чего хотели.

– А вот этого даже ментовская база данных, которой я пользуюсь, ничего не скажет, – заметил генерал. – Она не знает настоящего и будущего, только прошлое. И вообще, зачем и по какому поводу они здесь появились, это только мы можем знать. Вернее, предполагать с достаточной долей вероятности.

Николай Владимирович быстро набивал на клавиатуре сложные для русского человека имена и фамилии. Ответ пришел сразу...

Старший лейтенант не поленился и переписал все полученные данные, заглядывая в монитор через плечо генерала. Ему эти данные, может быть, и не нужны, но бумажка предназначалась для вора, который ждал, сидя в своей машине, и не вернулся после перестрелки в медицинский центр для продолжения лечебных процедур. Сережа решил, что он слегка напуган. Наверное, это было верно, потому что покушение на него может быть только заказным, а любой «вор в законе» знает, что такое быть «заказанным». Если кого-то заказали, его обязательно убьют. Не получилось в этот раз, и во второй тоже – но последуют и третья, и четвертая, и пятая попытки, пока дело не будет сделано. Вор, должно быть, уже решал, какой венок ему заказать на собственную могилу...

* * *

– Ну, с таким набором наш вор точно их за своих конкурентов примет, – прокомментировал старший лейтенант полученные данные. – У одного три ходки, у другого – две. И все за разбой. Когда только успели при своем-то несолидном возрасте...

– Рано начали, оба «по малолетке», – заметил генерал. – Обрати внимание, что последний срок отбывали в одной зоне, освободились чуть больше месяца назад.

– Я уже обратил, товарищ генерал.

– Не свое внимание, а внимание своего друга там, в машине.

– Обязательно, товарищ генерал.

Сережа ушел пообщаться с воров, предоставив нам с генералом Лукьяновым возможность закончить разговор.

– Ну, что скажешь, Валар? – повернулся Николай Владимирович в мою сторону и, впервые за все время нашего знакомства сняв с головы «краповый» берет, вытер им потное лицо. К моему удивлению и вопреки моему представлению, Лукьянов оказался не лысым, хотя и был коротко острижен. Но через «ежик» отчетливо просматривались фиолетовые шрамы и швы. Видимо, генералу делали серьезную операцию.

– А что я должен сказать, товарищ генерал?

– Будем работать?

– Будем.

Говоря по правде, мысленно я уже включился в работу. И, не имея навыков розыска-сыскаря, все же начал искать в голове пути подходов к бандитам. Один путь просматривался явственно, и я сразу предположил несколько вариантов, по которым могут развиваться события. Девица, на которую оформлена машина, может сотрудничать с нами, а может и отказаться от такого сотрудничества. Но в любом случае за ней нужен пригляд. Об этом я сразу и сообщил Лукьянову. Генерал согласился, хотя сразу увидел преграды в возможности контроля.

– Если можно, позвоните капитану Магомедову. Пусть обязательно возьмет номер мобильного этой Николишиной и как можно скорее передаст мне. Остальное я попробую решить через свои каналы в ГРУ. И хорошо бы мне срочно забрать машину из сервиса.

– Позвоню, – пообещал Лукьянов. – Зови своего персонального водителя. Съездишь с Сережей в бронированном микроавтобусе. Еще кого-нибудь в подстраховку дам. Без прикрытия в нынешней обстановке нельзя никак. Сядешь за руль своей машины – от прикрытия не отрываешься, опасно. Я пока займусь оформлением документов на тебя.

– Каких? – не понял я.

– Удостоверения личности офицера. К сожалению, не смогу, наверное, сделать тебе документы офицера спецназа ГРУ, но офицера спецназа внутренних войск с официальным оформлением штатного оружия сделаю. На какую фамилию предпочитаешь? На Смертина оформлять рискованно.

– Если можно, пусть фамилия будет Валар. Пусть кто-то подумает, что я изобретатель украинского гранатомета².

– Любишь ты людей пугать, – усмехнулся генерал. – Ладно, сделаю тебя официально капитаном Валаром. Когда вернешься, сфотографируем тебя, и за час все изготовят. Звони в сервис, а я свяжусь с Магомедом.

Я позвонил в автосервис. Оказалось, машина уже второй день меня ждет, только место занимает на стоянке. Могу забрать в любую минуту, и чем быстрее, тем лучше. Генерал тем временем тоже закончил разговор и вопросительно посмотрел на меня. А тут как раз и старший лейтенант Сережа вошел в кабинет.

– Я готов ехать, мой «Тигуан» меня заждался, – сообщил я. – Документы у меня в кармане. Из сервиса сюда же вернусь, тогда все и оформим официально.

– Сережа, возьми с собой пару человек. Отвозите Валара в сервис и назад сопровождаете его машину под полным контролем. Думаю, эти двое, которых подстрелили, не сами должны были палить, а только намеревались стать участниками коллективного нападения. Где-то возможна засада. Я допускаю, что они знают, что машина стоит в сервисе, и ждут, когда Валар заберет ее... Да, желательно бы еще и всю машину проверить. Особенно тормоза. И на предмет установки взрывного устройства – тоже. Валар, пока ты не имеешь права на ношение оружия, и применение оружия в случае обострения ситуации грозит тебе неприятностями. Рискнешь пойти на неприятности или положишься на Сережу?

Я глянул на старшего лейтенанта. В деле я его уже видел. Хорош. Не теряется, соображает быстро и правильно.

– Рискну положиться...

– Действуйте. Сережа, проверку машины на взрывное устройство, пожалуй...

– Колю на всякий случай возьму. Четвертым в группу.

– Да, возьми Николая. Он сам взрывные устройства ставить большой мастак и знает, что и где можно воткнуть. Хватит с Валара и одного гвоздя.

Из кабинета мы вышли вместе со старшим лейтенантом. По пути он заглянул в другой кабинет и позвал с собой еще троих. Из них я был знаком только с «краповым» капитаном Мишей Сафроновым, остальных только видел. Старший прапорщик Коля, в черном, а не в «краповом» берете, как я понял, и был тот самый мастак-взрывотехник.

Мы прошли на стоянку, где уже стояла куча полицейских машин. Менты что-то измеряли рулеткой, искоса поглядывая на нашу группу, но на наличие оружия у людей в форме реакции не последовало. Не последовало ее и со стороны охраны вора. Тем более что вел группу старший лейтенант Сережа, который стал почти спасителем для самого вора, и своим человеком –

² Украинскими оружейниками разработан и выпускается автоматический гранатомет «Валар», по своим боевым качествам значительно превосходящий все известные аналоги.

для его охраны. Мы спокойно выехали – видимо, наличие поблизости множества ментовских машин чудесным образом подействовало на московских водителей, которые беспрепятственно дали возможность нашему микроавтобусу занять место в общем потоке и не врываться в него с угрозой аварии...

Глава третья

1

Хотя мой «Фольксваген Тигуан» и носит глупое звание «паркетника» или еще более глупый титул «городского внедорожника» – следовательно, обладает некоторыми чертами любого увальня-внедорожника, – тем не менее он хорошо управляется, и мне, признаться, нравится ездить в городском потоке быстро, при этом часто перестраиваясь из ряда в ряд. Здесь мне помогают моя реакция и умение точно высчитывать дистанцию и время, и я легко успеваю проскочить в любую открывшуюся «дыру» в соседнем потоке. Конечно, до ускорения «девятьсот одиннадцатого»³ моей машине далеко, тем не менее, чтобы вертеться в многополосном городском движении, «Тигуану» и своего ускорения чаще всего хватает. Однако в этот раз, получив доступ к машине и первым подпустив к ней старшего прапорщика Николая, который произвел тщательный осмотр, в том числе и тормозной системы, я ехал непривычно аккуратно для себя. Старался никого не обгонять, чтобы не оторваться от менее пронырливого микроавтобуса «Фольксваген Калифорния», к тому же бронированного, следовательно, значительно более тяжелого и менее склонного к резкому ускорению. А если была необходимость перестроиться, я включал сигнал поворота намного раньше, чем привык это делать, чтобы старший лейтенант Сережа, сидящий за рулем, успел среагировать и подготовиться к перестроению. На всякий случай я дублировал сигналы автомобиля своими сообщениями через переговорное устройство, выделенное мне капитаном Сафроновым.

При этом я и сам не забывал посматривать по сторонам, следя за дорогой с предельной концентрацией внимания. Все было спокойно до тех пор, пока мы не попали в затяжную пробку. Еще издали я заметил в зеркало человека на довольно мощном мопеде, или скутере, который старательно лавировал между застывшими в изнеможении автомобилями и пробирался между ними вперед, приближаясь к нам. Мое внимание привлекло то, что человек мог бы ехать там, где проехать легче, но он ехал там, где труднее и опаснее; однако если его целью были именно наши машины, то он все делал правильно.

– Валар, – раздался в наушнике голос Сафронова. – К нам приближается человек на скутере. Мне почему-то сильно не нравится его экипировка. Но сразу стрелять я скорее всего не буду. Ты приготовься и будь внимателен.

Рассмотреть экипировку мне в зеркале было сложно, а шлем не давал увидеть лица и определить, кавказец это или, скажем, китаец. Сафронов все же мог свободно повернуться и из более высокого, чем у «Тигуана», салона микроавтобуса хорошо рассмотреть подозрительного человека на мопеде.

Тем временем поток автомобилей после долгой спячки тронулся. Я медленно ехал, время от времени останавливаясь вместе с потоком машин, и постоянно посматривал в зеркала. Мне казалось, что я определил направление движения мопеда. Его хозяин стремился приблизиться именно к моему «Тигуану». И преодолеть ему предстояло совсем небольшой путь.

У меня как раз выпал момент, когда можно было обернуться. Я даже высунулся из дверцы над опущенным стеклом – и понял, что не понравилось капитану Сафронову в экипировке человека на мопеде. Погода стояла жаркая, но тот был одет в специальный плотный кожаный костюм с множеством заклепок, с наколенниками и налокотниками. Вообще-то в таком костюме следовало бы на «Харлее» ездить, а не на мопеде. Но «Харли Дэвидсон», насколько я

³ «Порше-911» – элитная скоростная спортивная машина.

помню, стоит никак не меньше моего «Тигуана», что крутовато для разового использования – а ведь именно так террористы обычно используют мопед...

Скорее всего внимание Миши Сафронова привлек не сам костюм и его несоответствие транспортному средству, а то, что замок-«молния» куртки на груди был застегнут только наполовину и под курткой явно пряталось что-то объемное. Это могло быть оружием, которое извлекается за пару секунд. Кроме того, за спиной человека на мопеде, в багажнике, при каждом маневре было видно что-то немаленькое, укрытое цветной тряпкой и стянутое ремнями. Там вполне реально было бы спрятать даже одноразовый гранатомет «Муха». От выстрела из гранатомета может не спасти даже вовремя произведенное падение на второе пассажирское сиденье...

Первый выстрел наверняка будет производиться в окно, и я всегда сумею от него уйти. А от второго прикрыли бы «краповые» из машины сопровождения. Я уже видел, как быстро реагирует на ситуацию старший лейтенант Сережа и как легко он справляется со своим пистолет-пулеметом, несмотря на то что стрелять ему приходится с левой руки. Высунувшись из выдвижной форточки микроавтобуса, может стрелять и Сафронов; и другой «краповый» – старший лейтенант, которого я не знаю, – может выскочить с переднего пассажирского сиденья. Да и старшему прапорщику Николаю выбраться из салона микроавтобуса недолго. Выстрел же из гранатомета в мой «Тигуан» практически не даст мне шансов к спасению. Это я оценил легко. Да и машину, честно говоря, жалко. Все-таки тачка личная, и кто знает, как будет вести себя страховая компания в случае подобного выстрела, поскольку эта ситуация не штатная для страховщиков. А я не столько зарабатываю, чтобы разбрасываться не самыми дешевыми машинами. И потому я стал еще внимательнее следить за человеком на мопеде.

А он приближался...

* * *

Транспортный поток опять встал, и я получше присмотрелся к водителю мопеда, который уже добрался до микроавтобуса и, в свою очередь, присматривался, как ему проскользнуть в узкое пространство, что оставил ему Сережа между бронированным «Фольксвагеном» и белым «Мерседесом» S-класса. Руль мопеда едва-едва мог пройти между двумя машинами. И я понял, что хочет сделать Сережа.

Мопед тронулся вперед осторожно, чтобы не поцарапать ни ту, ни другую машину, но я был уверен, что в случае выбора человек на мопеде предпочел бы поцарапать микроавтобус. Сережа был уверен в том же, и именно поэтому оставил точно такое пространство, какое было необходимо. Шлем с затемненным стеклом закрывал половину лица человека, но челюсть была прикрыта если не бородой, то многодневной щетиной, что вообще-то свойственно кавказцам.

Движение мопеда было настолько медленным, что скутеристу пришлось опустить ноги на асфальт. Это помогало ему удерживать прямую линию и не задевать рулем ни ту, ни другую машину. Но старший лейтенант все правильно просчитал. Автомобильный поток пришел в движение, когда мопед еще не преодолел расстояния даже в половину корпуса микроавтобуса. И Сережа тут же этим воспользовался. Он не просто проехал вперед, он еще плотнее встал к «Мерседесу», делая невозможным проезд мопеду. Тем не менее скутерист настойчиво стремился проехать и сильно рисковал. И наступил-таки момент, когда он задел микроавтобус рукояткой руля. Мне в зеркало не было видно момент касания, а уж слышно – тем более. Однако я отчетливо видел, как остановился «Фольксваген», как распахнулась водительская дверца, едва-едва не ударив «Мерседес», и на дорогу выскочил возмущенный старший лейтенант. В этот раз Сережа нацепил на голову свой «краповый» берет. Слов, что были произнесены, за гулом многих двигателей автомобилей, несмотря на то что все происходило в непосредственной близости от моего «Тигуана», мне тоже слышно не было. Но, видимо, слова были

не самыми вежливыми. Наверное, это и заставило Сережу нанести удар ногой в небритый и не защищенный шлемом подбородок. Человек на мопеде превратился в человека рядом с мопедом.

Тут вышел водитель и из «Мерседеса», бодренько встряхнул объемным «авторитетом», обычно вульгарно называемым пузом, и обошел свою машину вокруг. Увидел, что мопед упал на белую дверцу его великолепного транспортного средства, и, похоже, сильно рассердился. Вследствие этого «авторитетный» дал пинка лежащему по шлему, наступил ему на грудь, чтобы сделать шаг вперед, взялся двумя руками за мопед, поднял его над собой, демонстрируя силу тяжелоатлета олимпийского уровня, вынес между остановившимися машинами с дороги и выбросил на пыльный газон, разделяющий улицу на два встречных потока движения. Звук падения мопеда даже я услышал. Звон был сильный, потому что тяжелоатлет бросал презираемое им транспортное средство со смаком и даже долей ненависти.

Старший лейтенант Сережа, не дожидаясь, когда «авторитетный» стряхнет пыль со своих ладоней, поднял за шиворот человека без мопеда, снял с него шлем, а самого скутериста, держащегося за челюсть, вывел туда же, куда упал мопед. Удар шлемом по голове был коротким и резким. Человек, в отличие от мопеда, падал без звона – разве что в голове у него зазвенело. А транспортный поток уже начал сигналить. «Авторитетный» вернулся в свою машину и сразу уехал. Тронулся и я. Сережа как раз вернулся на свое водительское место и двинулся за мной следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.